Двериндариум. Мертвое

Автор:
Марина Суржевская

Двериндариум. Мертвое

Марина Суржевская

Двериндариум #1

Иви-Ардена Левингстон – аристократка и богачка, представительница древнего и славного рода. Ее жизнь полна роскоши и капризов. По праву рождения Иви-Ардена получила не только беззаботную жизнь, но и высшую привилегию нашего мира – отправиться в Двериндариум и открыть заветную Дверь. И даже ее ненавистный старший брат не в силах этому помешать.А при чем здесь я, нищенка и сирота Вивьен? Все просто. Я та девушка, которая приехала в Двериндариум вместо богатой наследницы…

Глава 1. Незнакомка

Ржавчина говорил: «Желай тихо. Твои желания тебя слышат».

Я никогда не задумывалась, что именно это значит. Впрочем, тогда я не задумывалась о многом, а Ржавчина любил ввернуть «умную фразу». И чем непонятнее она была, тем больше поражала нас – слушателей – и добавляла самодовольства самому говорившему. Однажды Ржавчина обмолвился, что в семь лет стянул со стола настоятеля книгу «Афоризмы на каждый день». И был так впечатлен своим поступком, что даже научился читать, чтобы расшифровать непонятные символы под обложкой. Ну и понятно, выучил эти фразы наизусть, чтобы потом вставлять по каждому поводу с видом снисходительного превосходства.

Сейчас я отдала бы многое, чтобы рядом оказался Ржавчина и снова брякнул что-нибудь эдакое.

Я по привычке запустила ладонь в волосы и дернула себя за короткие прядки, чтобы не думать о прошлом. Хотя именно из-за него я сейчас здесь, возле Кибитки Памяти. Повозка со всех сторон была обклеена желтыми листами с нарисованными на них лицами. Я пошла вокруг, всматриваясь. Вдруг увижу знакомых?

Порой мне даже казалось, что в ворохе листов мелькают знакомые черты. И я подпрыгивала, дергала бумагу, смотрела. Но нет. Портреты были чужие. Я никого не узнавала.

– Желаете оформить поиск, красавица? – ко мне, шаркая, приблизился кибитчик и по совместительству – рисовальщик.

Не вытаскивая руку, я пальцами пересчитала в кармане несколько монеток. Скудно. И кто-то сказал бы, что тратиться на никчемный поиск – глупо. И все же…

– Да, – я медленно кивнула.

– Кого рисовать? Вы ищите или вас ищут? – оживился старик. – Прошу, сюда.

Он шустро разложил передо мной шаткий тряпичный стульчик, кряхтя, сел на ступеньку кибитки. Изнутри тянуло слегка подгоревшей кашей и жареным луком. Я задумчиво повертела в пальцах монетку, задумавшись над вопросом. Двойной поиск стоит дороже.

И со вздохом положила в коробку с мелками и графитными стержнями два медяка.

– Я ищу. И, надеюсь, ищут меня. Поэтому два портрета. Мой и… одного парня. Правда, последний раз я видела его четыре года назад. Он мог измениться. Но он довольно приметный. Ржавый… Ну то есть… рыжий. Рыжий, да.

Старик кивнул и отложил черный грифель, потянувшись к цветным мелкам.

– По описанию или образу?

– Вы видите образы? – подняла я брови. Надо же!

Рисовальщик кивнул, а я снова вздохнула. Открывать воспоминания – неприятно, хотя я и знаю, что рисовальщик увидит лишь то, что я покажу. И все же каждый раз я нервничала и сопротивлялась. К тому же, после снова разболится голова, это я тоже знала. Но и портрет получится достоверным, со слов такое невозможно.

– Давайте начнем с вашего портрета, милая, – понятливо кивнул старик, и я благодарно улыбнулась.

Работал он быстро. Сухие руки, усыпанные коричневыми пятнышками, порхали над листом дешевой бумаги. Я же пока рассматривала аллею памяти и редких посетителей этого места. Такие аллеи были в каждом городе Империи. Здесь стояли столбы с объявлениями о купле, продаже и аренде, предложения о работе. Здесь же останавливались кибитки с рисовальщиками. Сюда приходили, чтобы поболтать и обсудить новости с приезжим людом.

Я тоже наведывалась на аллею и оставляла портреты на кибитках, надеясь, что это поможет. Но увы… Пока это ни к чему не привело.

Зябкий осенний ветер растрепал мне волосы и забрался под воротник грубого свитера. На самом деле уже пора надевать пальто, одна беда – у меня его нет. Мне нужны обновки – шерстяная юбка взамен полотняной, теплые ботинки, верхняя одежда… И стоит купить все это до наступления морозов. Вот только в моем кармане уныло перекатываются лишь несколько монет, а после аллеи памяти их станет еще меньше. Надо срочно найти другую работу – в магазинчике старых книг, где я обрела пристанище, платили слишком мало.

Ну или пора уезжать. Вот только куда?

– Готово, красавица, – окликнул меня старик.

Я вздрогнула и перевела взгляд на серый лист. С него смотрело мое отражение. Темные кудряшки до плеч, лицо сердечком, прямой нос и упрямо сжатые губы.

Взгляд то ли хмурый, то ли грустный. Художнику удалось поймать даже цвет глаз – темно-серые, тревожные.

– Ого, – удивилась я. – У вас талант!

– Да, я рисовал с детства. А потом повезло, в молодости посчастливилось открыть Дверь, – с гордостью пояснил рисовальщик.

– Дверь? В самом деле? – еще больше изумилась я. От этого слова привычно зазнобило.

– Да, я везунчик, милая госпожа. Правда, пришлось продать родительский дом, чтобы оплатить вход… Но это того стоит, вы ведь понимаете, – он довольно подмигнул. – Благодаря Двериндариуму я прожил прекрасную жизнь, милая госпожа! Жил в столице, пил вино с прекрасными женщинами, любил многих… один раз мне даже посчастливилось попасть в Лигу Рисовальщиков, вы представляете? Мы расписывали купол в Хранилище Благости! Если бы вы видели эту божественную красоту!

Рисовальщик закатил глаза и вытянул губы трубочкой, изо всех сил живописуя восторг. Я скрыла улыбку.

– Как же вы оказались в кибитке памяти? Да и Лурден находится довольно далеко от столицы Империи.

– Ах, это все моя неугомонная женушка, будь она здорова! Потянуло ее к приключениям на старости лет! Говорит – хочу посмотреть Империю, ну а раз ты рисуешь, купим кибитку памяти, чтобы не колесить зря! – с досадой крякнул мой собеседник. И слегка испуганно обернулся – не слышит ли упомянутая женушка.

Я рассмеялась, не выдержав. Старик тоже улыбнулся, демонстрируя беззубый рот.

– Хотя я не жалею. И правда, что сидеть на одном месте? Вот доедем до Грязного Моря и повернем обратно. Сколько мы мест повидали, моя дорогая! Да каких! Буквально неделю назад мы смотрели на Девичьи Косы – это изумительный водопад к северу от Лурдена. А уже завтра будем возле Рыбьего

Хвоста, вы видели это ущелье? Ах, какая красота! Знаете, я ведь не просто так разъезжаю, а составляю иллюстрированный атлас империи! – старик гордо огладил куцую бороденку. – Настанет день, и все услышат о рисовальщике Мистреоли! Так вы будете заказывать второй портрет?

Я кивнула, слегка ошарашенная резким переходом.

– Да. Значит, способность заглядывать в воспоминания – это Дар Двери?

Рисовальщик кивнул, доставая новый лист.

– Думайте о своем любимом. Представляйте его как можно четче.

Любимом? Я хотела поправить, но не стала. Зачем что-то объяснять…

Прикрыла глаза и вспомнила Ржавчину. В тот день он был непривычно задумчив. Не зубоскалил, как обычно, не подначивал. Он сидел у окна столовой, уставившись на грязное стекло, словно желал что-то за ним рассмотреть. Хотя на что там было любоваться? Каменная стена соседнего здания, ветки засохшего клена – вот и вся картина. Уж точно не купол в Хранилище Благости…

Тогда тоже была осень, и жидкий свет лился на темно-рыжую голову Ржавчины, на его губы и ресницы, скрывающие рыже-карие глаза. Подчеркивал пятнышки веснушек, которые парень терпеть не мог, и высвечивал пробивающуюся на подбородке щетину. В тот день ему исполнилось семнадцать, и в моих глазах он был совсем взрослым.

Я помню, что сидела в углу столовой, украдкой глядя на парня. Мне хотелось, чтобы он улыбнулся и пошутил, мне всегда становилось легче, когда он так делал. Но Ржавчина молчал, кусал губы и смотрел на грязное стекло. А потом, словно почувствовав мой взгляд – повернулся, глянул на меня. И я вздрогнула. Столько звериной тоски было в том взгляде…

До боли прикусив щеку, я оборвала воспоминание. Старик уже рисовал, перенося образ из моей головы на лист бумаги. Я вытянула шею, рассматривая. Да, выходило похоже и узнаваемо, рисовальщик и правда видел воспоминания. Закончив, протянул мне оба портрета.

– Повесьте вон там, под козырьком, – посоветовал старик. – Там дольше провисит, а то скоро дожди обещают…

Поблагодарив, я добавила на портреты свой адрес и имя, разметила их под указанным козырьком и распрощалась с рисовальщиком. Уже вечером его кибитка отправится в путь, увозя портреты людей, которых кто-то ищет. Они будут колесить по городам и деревням, на них будет смотреть множество глаз. Вдруг среди них окажутся нужные?.. Это уже двенадцатая кибитка, проезжающая Лурден. И на каждой я оставляла портреты. Правда, далеко не все рисовальщики оказывались такими способными, как старик Мистреоли. На некоторых невозможно распознать оригинал, но кибитчики всегда берут плату вперед.

Надеюсь, что хоть в этот раз мне повезет!

Ежась под порывами ветра, я двинулась вдоль реки. Двериндариум… Рисовальщику повезло там оказаться. Если бы и я могла… но увы. Это невозможно.

За мостом находился книжный магазинчик, в котором я и работала, и проживала. Хозяйка магазинчика была ко мне добра, и мне нравилось это место. Нравился запах кожи, старых книг и древесины, нравились тихие звуки и улыбчивые, воспитанные посетители. Продавать книги – точно лучше, чем бегать с подносом в какой-нибудь сомнительной таверне. Но вот монет на такой работе я получала катастрофически мало.

Неужели скоро придется покинуть тихий магазинчик, в котором мне было так уютно? Пожалуй… На то, что платит мне достопочтенная госпожа Фитцильям, я не переживу предстоящую зиму. А еще этот поиск… может, надо забыть прошлое? И перестать разыскивать Ржавчину?

Нет… я передернула плечами. Я буду его искать, буду! Я должна его найти. Хотя бы для того, чтобы убедиться – он жив.

Над дверью книжного магазинчика приветливо звякнул колокольчик, когда я вошла. Изнутри потянуло сыростью и тонким запахом плесени, госпожа Фитцильям экономила на дровах. А о новых искровых печках, которые можно заказать у промышленников, и вовсе мечтать не приходится.

– Госпожа Эмма, я вернулась! – крикнула я, повернув голову к узкой винтовой лесенке на второй этаж. Там располагались две тесные комнатушки – моя и хозяйки дома.

– Я как раз заканчиваю приготовление к утреннему чаю, милая, – донесся из-за темных полок и стеллажей голос госпожи Фитцильям. – Поторопись, пока нет посетителей.

Я промолчала, что о наплыве покупателей нам можно только мечтать. Над Лурденом набухали противные осенние тучки, а это значит, что и наших редких визитеров мы можем не дождаться. В дождь жители этого тихого провинциального городка предпочитали сидеть дома у каминов, а не тащиться через мост в захудалый старинный магазинчик.

Но конечно, я не стала этого говорить. Лишь поправила свой старый свитер, разгладила подол юбки, осмотрела башмаки в поисках налипшей грязи и шагнула за стеллажи. Госпожа Фитцильям при виде меня поставила на круглый столик фарфоровую чашечку и мягко улыбнулась. Эта женщина была олицетворением благородства и изящества, пожалуй, она могла бы поспорить в этом и с самой императрицей Викторией. И совершенно неважно, что платье Эммы Фитцильям давно вышло из моды, а две фарфоровые чашечки – это все, что осталось от прошлого богатства. Хозяйка продолжала следовать традициями и… улыбаться. Я восхищалась этой женщиной. И была ей безмерно благодарна.

– Хороший чай из красивой чашки способен исцелять тело и душу, – произнесла госпожа привычную фразу.

– Похоже, сегодня снова будет дождь, – бодро сказала я, усаживаясь за столик и стараясь держать спину прямо.

– Ах, осень – весьма неприятное время, – изрекла моя собеседница. – Ты ходила за мост?

– Да, взяла свежий хлеб и газету, как вы просили.

Кибитку поиска я упоминать не стала. Даже милой старой госпоже я не рассказывала о себе всей правды. Я не рассказывала о себе никому.

Некоторое время мы пили чай и говорили о погоде и новостях. На мой взгляд, стоило бы обсудить заканчивающиеся дрова, текущую крышу и способы привлечения новых клиентов, но госпожа была слишком хорошо воспитана для таких разговоров. А я давно поняла, что не стоит советовать тогда, когда совета никто не спрашивает.

– Милая Вивьен, пожалуй, я сегодня навещу госпожу Риту. Ты ведь справишься одна?

– Конечно, не волнуйтесь, – кивнула я.

– Тогда – увидимся вечером, дорогая. – Хозяйка магазина чинно поднялась и напомнила: – И прошу, будь осторожна с чашками.

Я снова кивнула. А когда госпожа Фитцильям ушла, ополоснула фарфор под тонкой струей воды в помывальном закутке, обернула каждую чашку мягкой тканью и сложила в коробку. Этот ритуал повторялся каждое утро.

Мой день покатился по привычной колее. Убрать, помыть, переставить, починить, подлатать, встретить редких покупателей, объяснить, показать, убрать…

В обед перекусила хлебом с сыром и, пока магазин был пуст, присела в старое кресло. Рассеяно открыла книгу, но чтение не заладилось. Меня одолевала тревога. Необходимо принять решение и двигаться дальше. Я благодарна этому месту и старой госпоже, но я не могу навечно остаться в этом магазинчике. Моя отработка окончена, и мне пора уезжать. Вот только куда?

Может… в столицу? Слова старого рисовальщика так и звенели в ушах. Рутрием – город больших возможностей, город волшебства и людей, открывших Дверь… все стремятся в Рутрием. Все дороги ведут в Рутрием. Так, может, и мне пора отправиться туда?

Сердце испуганно трепыхнулось, стоило задуматься. И снова перед глазами встало воспоминание. Ржавчина сидит на стуле, перевернув его спинкой вперед. Его темные глаза блестят, словно смола на солнце, а губы мечтательно улыбаются.

«Ты знаешь, куда я отправлюсь, как только мне исполнится семнадцать, малявка? В Рутриеме!»

«И что ты будешь там делать?» – хмыкаю я.

«Богатеть, что же еще! – Ржавчина хохочет, как умеет только он – заразительно и лихо. – В столице столько богатеев, что они точно поделятся со мной монетами! И стану я не Ржавчиной, а Золотом, вот увидишь!»

«Дурак, – бурчу я. Мне неприятно думать, что парень уедет в столицу, бросив меня одну. – Нужен ты кому в том Рутриеме! Нищеброд приютский! Там и своих желающих хватает».

«Много ты понимаешь, малявка!» – снова смеется парень и щелкает меня по носу.

И я стучу по его рыжей макушке, дергаю за волосы, вымещая страх и обиду… И словно почувствовав, Ржавчина вдруг обнимает меня.

«Не бузи, мелочь. Я разбогатею и заберу тебя, вот увидишь. Думаешь, я тебя брошу? Глупая».

И я затихаю, осторожно втягивая его запах и тепло…

Звон колокольчика выдернул меня из прошлого, и я едва не вылила на себя горячий чай, который пила из самой обычной глиняной кружки. Фарфоровый ритуал позволялся лишь в присутствии хозяйки.

Выругавшись себе под нос и прикусив язык, надеясь, что посетитель не услышал, я метнулась к двери. Губы сложились в самую доброжелательную улыбку из всего моего арсенала. А когда я увидела гостя, вернее – гостью, к ней добавилось искреннее изумление.

Девушка, стоящая на пороге, точно не была жительницей Лурдена. И вряд ли ее мог вообще заинтересовать этот убогий магазинчик старых потрепанных книг. Она словно только что вышла из самого модного салона того самого Рутриема, о котором я мечтала минуту назад.

Ее лицо прикрывала густая вуаль, волной спускающаяся от круглой меховой шапочки.

С любопытством я осмотрела дорогой дорожный костюм незнакомки. Красивая и совершенно непрактичная светло-зеленая юбка и короткий жакет с меховым воротником и такими же манжетами. Из-под подола виднелись носы дорогих бежевых ботинок. Беж! В осеннюю грязь! Да как можно? От ног мой взгляд метнулся к муфточке из серебристого меха, которую держала девушка. И к ее маленькой круглой сумочке, в которую не поместится и расческа.

Непрактичность – первый признак истинного богатства. Ни один бедняк не наденет на себя такую одежду.

А потом гостья откинула вуаль. И я… отшатнулась.

Она рассмеялась моему изумлению.

– Да, я вот тоже не поверила, когда увидела твой портрет, – голос у девушки оказался чуть тоньше моего. – Это довольно странно – увидеть свое собственное лицо на какой-то поисковой кибитке. Я была уверена, что кто-то ищет меня. Но потом я рассмотрела прическу и край воротника… увидела надпись и имя. И поняла, что где-то в Лурдене живет девушка, изумительно похожая на меня! Ну просто как сестра-близнец! Может, так и есть?

– Вряд ли, – хрипло от потрясения произнесла я. – Мои родители погибли, когда мне едва исполнилось пять. И у меня не было сестер.

Все еще не веря, я рассматривала лицо незнакомки, так изумительно похожее на мое. При детальном рассмотрении сходство слегка рассеивалось, я замечала различия. Иной цвет глаз – светло-зеленый, а не темно-серый, крошечная горбинка на носу, которой у меня нет, родинка над губой. Гостья выглядела старше и была полнее. Ее глаза сверкали озорством, а в моих таилась грусть.

Ну и конечно – волосы. Мои темные волнистые прядки едва достигали плеч, а светлые кудри незнакомки спускались из-под кокетливой шляпки до самой поясницы.

– Это что же, книжный магазин? – она наконец оторвала от меня цепкий взгляд.

– Так и есть, – я тоже очнулась и вспомнила о своих обязанностях. – Это книжный магазин госпожи Фитцильям. У нас небольшой выбор новинок, но есть просто удивительные издания прошлого… хотите посмотреть?

– Занятно, занятно, – пробормотала девушка, проходя к стеллажам. Ее взгляд пренебрежительно скользнул по свиткам и фолиантам, но интереса в глазах не возникло.

Я лихорадочно оглянулась, пытаясь понять, что предложить нежданной богачке.

– Вы проездом в Лурдене?

Она поморщилась, глядя на древние напольные часы в углу. Окошко с кукушкой в них сломалось, да и механизм барахлил, но стекло все еще сияло, а красное дерево радовало изящным узором.

Вот только для заезжей столичной модницы это всего лишь старая рухлядь.

Внезапно стало обидно и захотелось, чтобы незнакомка ушла. Зачем она здесь? Уж точно явилась не за томиком «Благих изречений»!

– Я приехала к тебе, – гостья отвернулась от часов и посмотрела мне в глаза. – У меня к тебе предложение, Вивьен.

– Вы знаете мое имя?

– Я спросила у местного булочника. Лурден такой… милый городок. Все друг друга знают.

– И зачем вы меня искали?

– Давай присядем, – она по-хозяйски кивнула на гостевые кресла, накрытые кусками синего бархата. Так я старалась придать хоть немного лоска потертым сидениям. – Меня зовут Иви-Ардена. Иви-Ардена… Левингстон. Я предпочитаю второе имя.

Легкая заминка и быстрый взгляд из-под ресниц. Но мне ничего не говорила эта фамилия, и девушка улыбнулась.

– Это довольно известная фамилия. Знаешь, даже приятно встретить человека, который ничего не знает о Левингстонах. Так вот… месяц назад я увидела твой потрет на одной из кибиток. Удивилась, не поверила, а потом подумала… что ты могла бы мне помочь, Вивьен.

– Чем это? – насупилась я.

Ардена рассмеялась.

– Какая же ты колючая… а не стоит. Ведь я приехала, чтобы сделать тебе невероятное, волшебное предложение. Тебе невероятно повезло, Вивьен. Можно сказать – твоё лицо обеспечило тебе пропуск в богатую и счастливую жизнь.

Я снова нахмурилась. Жизнь в приюте как-то отучила меня верить в бесплатный сыр.

– Я узнала кое-что о тебе, – улыбаясь, продолжила гостья. На старом кресле она расположилась с аристократичным изяществом. Впрочем, несомненно, она и являлась представительницей высшего общества.

Я скопировала ее позу, не желая ударить лицом в грязь.

– Вивьен Джой, девятнадцати лет от роду. Сирота, выпускница местного приюта. С семнадцати распределена в этот книжный магазин для помощи хозяйке. По сути – служанка и рабыня.

– Это не так! – взвилась я.

Но гостья остановила мои возмущения.

– Ах, не стоит. Я понимаю, что значит такое распределение. Приют отдал тебя в услужение, тебя купили за жалкие медяки. Ты работаешь за кров и скудную еду. Впрочем, тебе повезло, здесь лучше, чем в каком-нибудь… салоне.

Она усмехнулась, а я покраснела. Да, я знала, что бывает и такое. Сирота не может выбирать, где отрабатывать два года после выпуска. И мне, действительно, повезло. Меня купила приличная вдова Фитцильям, а не владелец швейной лавки, о котором ходили дурные слухи. Например, что девушки шьют днем, а ночами занимаются совсем другим делом.

– Вас это не касается.

– Конечно, – спокойно произнесла Ардена Левингстон. – Твое прошлое меня волнует лишь до определенного момента. Скажи, ты ведь умеешь читать и писать?

– Конечно, – вспыхнула я.

– Замечательно. И держишься весьма… неплохо! Если тебя привести в порядок… Худа только. И почему ты такая худая, словно с рождения не ела! Но лицо… глаза… Ах! Я не верила… Какая удивительная удача! Для тебя, понятно, – спохватилась гостья.

– О чем вы говорите? Что вам надо?! – не выдержала я.

– Ты должна стать мной, – торжественно объявила гостья. – Заменить меня на год.

– Что?

Мне послышалось? Или незнакомка – сумасшедшая?

– Где заменить?

Ее глаза сверкнули в свете керосиновой лампы.

– В Двериндариуме.

Глава 2. Предложение

Гром не грянул и пол не провалился под моими ногами, но ощутила я себя именно так. Слово, произнесенное Арденой Левингстон, повисло в тесной комнатке между стеллажами и заискрилось, словно и оно обладало волшебной силой.

«Желай тихо. Твои желания тебя слышат».

Давно ли я думала о Двериндариуме? О том, что именно там есть ответы на мои вопросы. Что именно там я смогу, наконец, понять, что произошло с Ржавчиной?

Вот только попасть на заветный Остров Двери для такой, как я, практически невозможно.

Нет, теоретически это может сделать каждый житель Империи, в возрасте от семнадцати до двадцати пяти лет. Вот только для того, чтобы открыть Дверь, надо пройти обучение и… заплатить кучу монет. По слухам, в этом году даже одноразовое открытие Двери стоит больше, чем самый роскошный особняк в Лурдене. Даже если продать этот книжный магазин вместе с фарфоровыми чашками, не хватит на Двериндариум.

Слово отозвалось внутри болью, ужасом и каким-то сладостным предвкушением.

– Вы надо мной смеетесь, – я вскочила, но гостья снова рассмеялась и успокаивающе махнула рукой. Перчаток она так и не сняла.

– Думаешь, я проделала такой длинный путь, чтобы поиздеваться над незнакомкой? Поверь, у меня есть дела поважнее. Сядь, прошу. Я не смеюсь над тобой.

Я медленно опустилась обратно в кресло. Ардена выглядела серьезной и грустной.

И мне стало любопытно.

– Видишь ли, Вивьен… я ведь могу называть тебя по имени, правда? Вот ты смотришь на меня и кого видишь? О, не отвечай, я знаю. Богатую аристократку из столицы, вот кого. Не спорю, так и есть. Но помимо этого, ты видишь самую несчастную девушку в империи, – гостья скривилась, и в ее глазах блеснули слезы. – Все думают, что богатство – это счастье. Что ж, с этим тоже не спорю. Но это еще и обязательства, которые невозможно отменить. Я так несчастна, Вивьен!

– Но почему? – растерялась я.

– Потому что обязана целый год провести в проклятом Двериндариуме! – выдохнула она. – Это обязанность всех отпрысков старших родов! Отвратительная повинность!

Проклятом? Обязанность? Разве это не привилегия? Я моргнула. Да ради такого многие люди готовы отдать последнюю рубашку!

Или…

Я задумалась. Остров Двери – это возможность. Невероятная, волшебная возможность для людей. Но и… риск. Об этом не говорят, а случаи неудачного открытия Двери не афишируют. Но они есть. Не все получают Дар Двери. Иногда люди на той стороне умирают… Или возвращаются искалеченными.

Поговаривали, что многие из привилегированных отпрысков не желали рисковать собой. Поэтому Империя сделала для них открытие Двери обязательным, опасаясь, что правящий класс однажды может оказаться вообще без Даров.

Для меня Двериндариум – это шанс на лучшую жизнь. А что он для Ардены Левингстон, у которой, похоже, и так есть все, о чем можно мечтать?

– Но это ведь волшебство… это… – я неуверенно примолкла.

– И ужасающий риск, – надула губки гостья. – И потом… Буду откровенна, Вивьен. Как ты знаешь, Остров Двери – это закрытое место. Туда не могут попасть посторонние. И я обязана провести там целый год! Но у меня есть… любимый! Понимаешь? – она мечтательно закатила глаза. – Это самый потрясающий мужчина на земле! Мы любим друг друга! И не хотим расставаться ради какой-то старомодной традиции! Увы, я не могу отказаться, я обязана провести в Двериндариуме год и пять раз открыть Дверь!

– Пять раз? – ахнула я. Пять раз! Да это… невероятно!

– Целых пять раз! – скривилась Ардена. – А я просто хочу быть счастливой со своим любимым! Я хочу замуж! Мне не нужна эта Дверь!

– Но вы можете встретиться с вашим любимым после… – начала я. – Через год.

– А если он не дождется? Если встретит другую? Год! Я умру от тоски! Я не хочу расставаться с ним ни на минуту, ты понимаешь меня? – девушка схватила мои руки. Я дёрнулась, но Ардена держала крепко, проникновенно заглядывая мне в лицо. Ее прекрасные глаза блестели от непролитых слез. – Скажи, ты когда-нибудь любила, Вивьен? Был в твоей жизни человек, ради которого ты готова пойти в огонь и воду? Без которого жизнь не мила? О, я вижу, что был! Ты тоже любишь!

Я осторожно вытянула из ее ладоней руки. Прикосновение кожи перчаток было неприятно.

И не стала отвечать. Но видимо, что-то в моем лице уверило собеседницу в ее правоте.

– Ты знаешь, что такое любовь, а значит, поймешь меня! Ну и потом… это ведь и правда невероятная удача для тебя, Вивьен. Ты ведь понимаешь это. Ты будешь изображать меня, но ведь Дверь откроешь именно ты. И все останется с тобой, Вивьен. Навсегда. После Двериндариума ты просто уедешь и счастливо проживешь свою жизнь. Ты станешь свободной и богатой, Вивьен. Пять раз. Ты откроешь Дверь пять раз. Ты ведь понимаешь?

Я кивнула, не в силах говорить. Сердце билось так быстро, что становилось больно. Мысли неслись галопом, а дыхание срывалось. Нет, это не может быть

правдой. Это слишком невероятно!

– Твое лицо, Вивьен, – Ардена улыбнулась, неотрывно глядя на меня. – Тебе просто повезло родиться похожей на меня. Считай, что творец решил наградить тебя за годы лишений. Думаю, жизнь в приюте была несладкой. Но после Двериндариума все изменится. Ты получишь все, о чем мечтала. Достойную работу, деньги, сможешь купить свой дом. Ты ведь хочешь свой собственный дом, верно? Не чужой и сырой чулан, а собственный дом… Вернешься сюда, в твой Лурден, купишь то поместье за рекой. С белыми колонами. Неплохо для сироты из приюта, ведь так? Ну или выберешь любой другой город империи. Ты больше не будешь прислуживать…

Голос Ардены журчал ручейком. Она говорила и говорила, описывая жизнь, о которой я всегда мечтала. А я думала о том, чего Ардена не знала. Двериндариум… Дар Двери. Дар. Дар Мертвомира людям. Дар невероятный, порой пугающий, но дающий такие возможности, о которых человек может лишь мечтать.

И еще…

Перед глазами снова встало искаженное лицо Ржавчины. В ту последнюю ночь он разбудил меня. От него пахло дешевым вином. А слова казались бредом умалишённого. Ржавчина запинался, иногда начинал смеяться и путался в словах. Конечно, его слова не могли быть правдой.

Или… могли?

Я не знала. Я лишь вздрагивала, когда слышала слово – Двериндариум. Ведь Ржавчина тоже говорил о нем.

– Вивьен, так ты поможешь мне? – Ардена снова схватила мои руки. Край перчатки загнулся, показав темное пятнышко на ее запястье. Но девушка тут же поправила манжет.

Я осмотрелась. И словно вдруг увидела привычные вещи чужими глазами. Сколы и царапины на круглом столике. Одинокий огонек в лампе – мы экономили не только на дровах, но и на масле. Моя юбка – старая и слишком тонкая для осени, стертые башмаки. Загрубевшая кожа на руках, короткие ногти. Дешевая

глиняная чашка, которую я не успела убрать.

Все чужое. Нищее. Скудное. Что ждет меня завтра? Ни дома, ни семьи, ни монет в кармане… Что мне делать и куда идти? Может, Ардена – это ответ на мои молитвы? Может, и правда – удача и помощь? Ведь должно и мне повезти, ну хоть раз?

И я кивнула.

Гостья из столицы выдохнула и откинулась на спинку кресла.

– Я знала, что ты не глупа. Девушка с моим лицом не может быть дурочкой! – она рассмеялась. И деловито вытащила из своей крохотной сумочки записную книгу и ручку в золотом корпусе.

Я озадачено покосилась на торбочку, первый раз увидев такую вещь. Нет, я не совсем дремучая и слышала об изменителях, способных создавать так называемые «пустые карманы». А потом размещать их в сумках или даже домах, создавая огромное пространство за тесной оболочкой. Слышала. Но видеть не доводилась.

– Первое и самое главное – прекрати таращиться на все с таким недоумением, – оборвала Ардена. – Это провинциально. И совсем на меня не похоже. Нам придется над этим поработать. Над этим… и многим другим. – Она окинула меня скептическим взглядом и тяжело вздохнула. – Да, работы море… а времени совсем мало. Ты должна стать мною. Никто не должен догадаться о подмене.

Что? Я похолодела.

– Догадаться? Это значит… О-о-о… в Двериндариуме будут ваши знакомые?

– Не близкие, не волнуйся, – поморщилась девушка. – Если ты кого-то там встретишь, то можешь просто с ними не общаться. Никто не удивится, поверь. Я, то есть ты – теперь Ардена Левингстон. Ты можешь позволить себе любые капризы!

– Но как же менталисты, – прошептала я страшное слово. – Февры, способные проникать в разум! В Двериндариуме, наверняка, есть хоть один! Что если он захочет увидеть мои воспоминания?

Ардена рассмеялась.

– Глупая девочка! Не забывай, кто я! Представителей старшего рода можно проверить лишь по предписанию верховного совета законников. Так что можешь не беспокоиться.

Она помолчала, задумавшись.

– Есть лишь один человек… от которого стоит держаться как можно дальше.

– И кто же это?

– Мой старший брат.

Я моргнула и рассмеялась.

– Брат? И вы надеетесь его обмануть? Это совсем не смешно… Он поймет с первого взгляда, что я – не вы!

– Успокойся. Мы с братом не виделись тринадцать лет. Мы вообще встречались лишь раз в жизни, и ему тогда было десять лет, а мне и того меньше. У нас с Кристианом общий отец, но разная жизнь. Не переживай, нашего с тобой сходства достаточно, чтобы обмануть и его. Мы с ним практически незнакомы. У тебя будет мое лицо и мои документы, никто даже не заподозрит, что ты – не я. Никому это и в голову не придет! Просто… держись от него подальше.

– Вы не общались с братом?

– У нас разные взгляды на жизнь, – прищурилась Ардена. – Очень разные. Мой старший брат слишком… слишком… он просто проклятый выродок, понимаешь? Чудовище!

Я не понимала, и девушка капризно надула губы и опустила ресницы, скрывая блеск глаз. Я терпеливо ждала, размышляя, насколько же плох этот неизвестный Крис, что Ардена не сдержала бранного слова. Гостья повертела в руках свою муфточку.

– Не буду скрывать, мы с Крисом не ладим. Он считает меня… легкомысленной. Я его просто терпеть не могу. Мы никогда не были близки, никаких семейных ужинов и прочего, если ты понимаешь… Мы не интересуемся жизнью друг друга. Но сейчас все это нам лишь на руку. Поверь, Крис тоже будет держаться от тебя как можно дальше. Все, что нам надо сделать – это немного тебя подправить.

– То есть как это, подправить? – не поняла я.

Ардена лишь рассмеялась.

***

Я даже не успела осознать изменения своей жизни, как меня закружил ураган по имени Ардена Левингстон. Право, эта девушка могла бы служить двигателем на том огромном стальном корабле, который недавно спустили на волны Грязного Моря. И на энтузиазме и энергии Ардены этот гигант вполне мог бы добраться до Колючего Архипелага, за которым зиял пропастью конец земли.

Не спрашивая моего мнения, гостья потащила меня на второй этаж, в тесную комнатушку, которую я гордо считала «своей». Точеный аристократический нос Ардены выразительно скривился, стоило ей переступить порог. Она окинула презрительным взором узкую кровать, заправленную выцветшим покрывалом, трехногий столик, сундук и вешалку в углу. Это была обстановка моего жилища.

– Собирай вещи, нам надо торопиться. Хотя можешь ничего не брать, если твои наряды сродни тому, что сейчас на тебе. Ну, что смотришь? Поторопись!

Командные нотки в ее голосе резанули слух, и я огрызнулась:

– Я не ваша служанка. И прежде мне надо поговорить с госпожой Фитцильям…

– Срок твоей отработки закончился, так что можно не объясняться… – Девушка задрала подбородок и окинула меня быстрым взглядом. – Но я рада, что у тебя есть зубки. Так будет больше схожести между нами. А что касается твоей старой госпожи… – Внизу звякнул колокольчик, и Ардена хмыкнула. – Я сама с ней поговорю. Мы уезжаем через десять минут, Вивьен. И я не люблю ждать.

Взметнув вихрь юбок и опустив вуаль, аристократка хлопнула дверью.

Я растеряно присела на край кровати. Голова слегка кружилась. Неужели все происходящее – правда? И прямо сейчас я возьму холщовую сумку со своими скудными пожитками, выйду из магазинчика и отправлюсь в новую жизнь? Нет, я и сама собиралась это сделать, но вот так…

Неужели я попаду в Двериндариум?

В горле стало сухо, комок подкатил к горлу.

Я даже не понимала, что чувствую. Радость? Скорее, растерянность.

А с другой стороны, что мне терять? Окинула взглядом комнату. Ничего. В Лурдене нет ничего и никого, что могло бы меня здесь задержать.

И внутри словно что-то переключилось. Я сорвалась с кровати, сунула в сумку футляр с портретом, вторую юбку, комплект скромного белья, расческу… И остановилась. Неужели это… все? На столике лежит книга, но она не моя. Я лишь читаю ее украдкой, потому что вечером нельзя долго жечь лампу, надо беречь масло. Что еще? Кувшин с водой, покрывало, которое я штопаю для госпожи Фитцильям, ее же шаль, в которой нужно поправить спущенные петли, и ботинки – их требовалось отнести в мастерскую за мостом.

Ардена права – я жила здесь на правах служанки. И только.

А моего здесь ничего нет.

Накинув старый латаный плащ, я пошла вниз. Уже на лестнице услышала голоса. Первый принадлежал вдове Фитцильям, он звучал растерянно и даже испуганно. Второй – властный и жесткий, конечно, был голосом моей новой знакомой.

– Родственница? – вопрошала хозяйка книжного магазинчика. – Но ведь Вивьен сирота… У нее нет родственников!

– И поэтому вы так выгодно купили сироту за пару грошей. Очень удобно!

– Я была добра с девочкой… обучала этикету и манерам!

– С вашей бесплатной служанкой, давайте называть вещи своими именами, – оборвала Ардена, и я поспешила вниз. – Вивьен я забираю с собой, она моя дальняя… кузина. Да, кузина. Потерянная. Теперь она нашлась и мы уезжаем.

– Но куда? – всплеснула руками почтенная вдова.

А увидев меня с сумкой, и вовсе побледнела до синевы.

– Вивьен, милая… но как же… я ведь думала… Рассчитывала! Что же я теперь буду делать?!

– Купите за несколько медяков новую прислугу, довольно причитать, – поморщилась Ардена. Вуаль закрывала ее лицо наполовину, но не скрывала презрительно изогнувшиеся губы.

Госпоже из столицы хотелось скорее покинуть этот дом.

– Вивьен?

Я неловко переступила с ноги на ногу, не зная, как вести себя с госпожой. Она была добра ко мне, учила и наставляла, но никогда не позволяла лишнего. Она и правда была моей… хозяйкой, подчеркивая дистанцию между нами.

– Но я ведь думала…

– Мне жаль вас расстраивать, госпожа Фитцильям, – медленно проговорила я. – Все случилось так неожиданно…

– Значит, это правда? Ты уезжаешь?

– Да. – Я помолчала, ощущая ком в горле. – Хотите, я загляну к господину Томасу? Попрошу его прислать кого-нибудь из своих мальчишек, помочь вам в первое время. Надо вычистить камин, и я не успела вынести ведро из помывальной… Но полки и полы чистые, и я перебрала запасы…

– Довольно! – терпение Ардены заканчивалось. – Твоя отработка завершилась месяц назад, Вивьен! Я узнавала. Так что хватит болтать, нам пора ехать!

Мне хотелось обнять старую госпожу, но я не решилась. Лишь коснулась ее плеча, стянутого жёстким твидом старомодного жакета.

– Берегите себя, госпожа Фитцильям.

Она кивнула. На бледных щеках цвели две пунцовые розы румянца. И глаза смотрели с недоумением ребенка.

Мое сердце сжалось, но я лишь снова кивнула и пошла вслед за Арденой, которая нетерпеливо постукивала ногой у входа.

На улице все же пошел дождь, пришлось накинуть капюшон плаща.

– Вивьен!

Звякнул колокольчик, выпуская старую госпожу. И в мои руки легка знакомая круглая коробка.

– Вот. Возьми. На память обо мне, – задыхаясь, произнесла женщина. – На память…

И вернулась в дом. Зеленая дверь закрылась.

А я заторможенно приоткрыла крышку и посмотрела на две фарфоровые чашки.

– Да сколько можно тебя ждать! – не сдержалась Ардена, выглядывая из экипажа. Возница – здоровенный мрачный мужик – тоже глянул недовольно, хотя, возможно, ему просто досаждал дождь.

Я оглянулась на закрытую дверь, снова почему-то кивнула и взобралась на жесткое сидение. Ардена тут же задернула занавеску, словно отрезая меня от Лурдена.

И от прошлого.

Глава 3. Новая я

Но если я надеялась, что моя спутница позволит тихо попрощаться с местностью, в которой прошла вся моя жизнь – я глубоко заблуждалась.

Стоило экипажу вырулить на основную дорогу, как Ардена кинула мне на колени записную книгу и ручку.

– Иви-Ардена Левингстон. Записывай. Родилась тринадцатого сливня в семейном поместье Белуар в пригороде столицы. Родители…

Девушка увидела, что я продолжаю сидеть, и топнула ногой.

– Хватит на меня смотреть! Ты будешь записывать? Ты должна выучить мою биографию! Хотя бы основную ее часть. Имена родственников и прочее! И все это ты должна знать так, чтобы от зубов отскакивало! И убери куда-нибудь эти ужасные чашки! Прошу! Так ты будешь писать?

– Я запомню, – сквозь зубы проговорила я. Но чашки все же убрала.

Ардена скептически хмыкнула. Ее глаза зло сверкнули, и девушка принялась засыпать меня названиями, датами, именами, титулами и родственными связями. Дождь барабанил по крыше экипажа со все усиливающейся силой, моя голова начинала гудеть, а спутница все говорила. А потом требовательно приказала:

– Ну и что из этого ты способна запомнить? Повтори хоть что-нибудь!

Запинаясь, я перечислила то, что смогла сохранить в памяти. И на мгновение почувствовал себя лучше, увидев удивление в глазах аристократки.

– Что ж… недурно. Ты не глупа, это радует. И у тебя цепкая память. Это повышает наши шансы на успех. Какая удача…

Она на миг прикрыла глаза, размышляя. И тут же встрепенулась.

– Продолжим!

– Постой! Когда мы, то есть я… когда я должна прибыть в Двериндариум?

– Через пять дней.

– Пять дней? – я подскочила и стукнулась головой о потолок экипажа. – Пять? Но это невозможно!

– Я не виновата, что этот Лурден находится в такой дыре! Конец земли и то ближе! Хотя это тоже к лучшему… но теперь на счету каждая минута. Ночью мы прибудем в Анрис – это единственный приличный город рядом с Лурденом. Там приведем тебя в порядок… – еще один скептический взгляд… – насколько это возможно, конечно. И утром сядем в Имперский Экспресс.

Я чуть не задохнулась, услышав о знаменитом поезде. Но ни удивиться, ни восхититься Ардена мне не позволила.

– У нас нет времени! Никаких вопросов! Никаких охов и ахов! Никаких удивленных взглядов! Забудь сейчас же! У нас слишком мало времени!

– Но…

Аристократка наклонилась ко мне и прищурилась.

– Или ты не хочешь в Двериндариум?

– Хочу, – тихо, но твердо произнесла я.

– Тогда молчи и запоминай, Вивьен. Второго шанса у тебя не будет.

И на меня снова обрушился град из названий и дат.

К сумеркам я уже готова была завыть, но лишь послушно повторяла неизвестные мне события. Я выстраивала их в своей голове, изо всех сил пытаясь представить, что это именно я родилась в роскошном поместье. Что это я росла, окруженная прислужницами и нянюшками. Что это у меня было несколько комнат, заваленных игрушками.

Что я не нищенка-сирота, а несравненная Иви-Ардена, с пеленок привыкшая к власти и богатству. Если бы мы повстречались два года назад, вряд ли безумный план мог увенчаться успехом. Но видимо, Ардене Левингстон сам Божественный Привратник открывал двери везения. Ее любила удача. Потому что два года рядом с вдовой Фитцильям все же меня обтесали. Старая госпожа очень старалась из приютского дикого зверька сделать подобие человека. Заставляла читать и писать, учила манерам и рассказывала бесконечные истории о своей жизни в высшем свете Лурдена. Я сомневалась, что в нашем провинциальном городке вообще имеется высший свет, но молча впитывала то, что вещала госпожа Фитцильям. К тому же, я как-то незаметно пристрастилась к книгам. В приюте чтение считалось позорным, за это могли и отдубасить как следует. Так что поначалу жизни у вдовы я оглядывалась каждый раз, беря в руки книгу. А потом привыкла. И не заметила, как полюбила это занятие. Фолианты в старых обложках неожиданно открыли мне новый, совершенно потрясающий мир, в который хотелось окунуться.

Так что шанс у меня был. И я сделаю все, чтобы этим шансом воспользоваться.

– Последний год я проживала вдали от столицы, – пояснила Ардена. – Отец отправил меня на морское побережье, в Орвин. Это довольно уединенное место. Орвинская Обитель славится на всю Империю.

Девушка едва заметно поморщилась. Я смотрела в ее лицо, ловя малейшие изменения мимики и пытаясь их повторить.

– Мое уединение дает тебе преимущество. Я выпала из светской жизни на целый год и вполне могла измениться. Так что если в Двериндариуме ты все же встретишь моих знакомых… сможешь сослаться на силу морского воздуха,

который сделал тебя совершенно иной. Поняла?

– Значит, своего любимого ты тоже встретила в Орвине? – спросила я.

Ардена нахмурилась, постучала пальцами по жесткой коже сидения. И ответила кратко:

– Да. Там.

И на некоторое время замолчала, рассеянно глядя на ручейки дождя, плетущиеся по стеклу. Правда, тишина длилась недолго.

К сумеркам мы прибыли в Анрис. Я бы хотела рассмотреть город – первый крупный город в моей жизни, но дождь лил как из ведра, а Ардена злилась. Возница остановил возле трехэтажного дома с огромными львами, стерегущими мраморную лестницу. Потом помог госпоже выйти и распахнул над ней огромной зонт. Мне оставалось лишь плестись следом, вздрагивая от холодного дождя, затекающего за шиворот.

– Это чье-то поместье? – шепотом спросила я, когда мы вошли в огромный холл, богато украшенный позолотой, лепниной и витражами. Под потолком сияла тысячью свечей люстра со стеклянными свечами. Внутри каждой бился живой огонь – работа одного из двери-асов. Так называли счастливчиков, которым повезло открыть Дверь.

Спутница на мой вопрос лишь закатила глаза.

Впрочем, ответ пришел в виде женщины в переливающемся одеянии. Позади нее застыли статуэтками несколько миловидных очаровательных прислужниц.

– Благодарю за посещение салона роскоши и изящества «Золотая Птица»,– запела хозяйка, приближаясь, – как я могу к вам обращаться?

– Госпожа Дирс и моя кузина Вивьен, – быстро произнесла Ардена. Свое настоящее имя она предпочла скрыть. Как и лицо. Но, похоже, здесь это никого не удивляло.

– Очень, очень рада! У нас вы сможете познать негу и красоту, у нас ваша прелесть станет несравненной! Только у нас вы сможете насладиться искусством прославленных двери-асов, способных из любой пичужки сотворить прекрасного белого лебедя…

– Вот этим вы и займетесь! С ней! – Ардена, так и не поднявшая вуаль, повелительно указала на меня. – Я хочу, чтобы вы сделали из этой мышки не просто лебедя, а девушку, способную войти во дворец императора. Все понятно?

Вряд ли хозяйке было понятно, в ее глазах мелькнуло удивление и даже пренебрежение, стоило рассмотреть мой наряд и башмаки. Но золото в руках Ардены заставило госпожу мило улыбнуться.

– Тогда начнем с купален. Иветта, займись! А мы пока все обсудим. Прошу, садитесь. Какой чай вы предпочитаете? Или, возможно, кофе?

Дальше я не услышала, потому что прислужницы утащили меня вглубь особняка. Провели по коридорам к огромному помещению, затянутому паром. Здесь находилось несколько купален-чаш, мраморные столики и куча непонятных мне приспособлений. Не успела я возразить, как меня раздели, и одежда полетела в корзину для мусора. А меня засунули в первую чашу. Я ойкнула, когда над головой сомкнулась горячая вода. Впрочем, ощущение было приятным. И новым. В доме госпожи Фитцильям я мылась в тесной кадушке, а вода всегда была еле теплой. А про помывку в приюте я даже вспоминать не хотела…

Так что сейчас я блаженно зажмурилась, зависая в исходящей паром чаше. Хотя по въевшейся под кожу привычке и посматривала настороженно из-под ресниц – не выгонят ли. Но девушки лишь ободряюще улыбались.

От воды остро пахло хвоей и нежно – розовым мылом. Несколько раз прислужницы бодро доливали в чашу что-то белое, то ли молоко, то ли какой-то отвар – чтобы кожа стала нежной и гладкой.

Я даже почти задремала, но меня вытащили, растянули на горячем каменном столе и принялись массировать, скрести, натирать жёсткой рукавицей, бить веником, мазать чем-то липким и вонючим, снова скрести, мазать и мыть. Порой казалось, что мне сдирают кожу, а когда ноги и руки залили горячим воском и принялись отдирать его вместе с волосками – я и вовсе взвыла и попыталась

уползти, но мне не дали.

Я думала, что мое приютское прошлое подготовило меня к любой жизненной пакости, но тогда я ничего не знала о процедурах в домах роскоши!

К чести этого дома, работающие в нем девушки не позволили себе ни одной ухмылки при виде моих натруженных рук, загрубевших пяток или обломанных ногтей. Иветта лишь раз цокнула языком, увидев шрамы на моем боку. Рубцы сплетались в узор – странный и жутковато-притягательный.

– У нас есть целитель, двери-ас, способный убрать такие застарелые отметины, – доверительно поведала Иветта. – Правда, потребуется несколько посещений, слишком глубокие шрамы. И рисунок такой странный… словно рукотворный…

– Не беспокойтесь, – оборвала я, невольно скопировав тон Ардены. – Этот шрам я убирать не собираюсь.

Не зря же я вытерпела эту боль… В качестве обезболивающего тогда пришлось использовать дешевое вино, которое тоже где-то раздобыл мой лихой друг.

«Этот нож сделал один из двери-асов, – шептал мне Ржавчина, пока я кусала от боли губы. Бок горел огнем, словно меня поджаривали. Но я молчала, боясь привлечь к нам внимание настоятелей. Очередная линия – и я зашипела сквозь зубы, а Ржавчина вдруг прижался губами к моей шее. Его лицо было бледным, даже рыжие глаза выцвели. – Потерпи… Это волшебный нож. И теперь ты всегда будешь помнить обо мне. А еще – мы найдем друг друга, где бы ни оказались…»

Наверняка, Ржавчина врал и нож был самым обычным, позаимствованным на кухне приюта. Но я верила. Так было легче терпеть боль…

– Госпожа? Проснитесь…

Кажется, я задремала.

Открыла глаза и села, с удивлением тронула свою кожу. Кажется, такой мягкой и нежной она не была даже в день моего рождения! Я вытянула ноги и растопырила пальцы, изучая. Аккуратные ноготки, розовые пятки, ни единого

волоска! Изумительно! Моя кожа сияла, словно ее присыпали золотой пудрой!

– Эликсир господина Бартуфлоя, – пояснила с улыбкой Иветта. – Он поистине выдающийся двери-ас, говорят, его эликсиры и притирки заказывают даже из столицы. Эффект сохранится около месяца, потом процедуру необходимо повторить. Но пойдемте, ваша кузина уже сердится, что мы работаем слишком долго…

На меня накинули бархатный халат с золотыми кистями, ноги сунули в мягкие тапки. И провели в другую комнату. Здесь на диване пила кофе Ардена и ей услужливо что-то говорил толстенький лысоватый господин.

Его взгляд метнулся к моей голове, и глаза стали размером с блюдце в руках Ардены.

– Вы шутите? Из этого, – меня дернули за прядку волос, – сделать то, что вы хотите? Цвет я поменяю, но длина? Невозможно! Это сколько же в нее надо влить… ускорить… Немыслимо! Необходимо шесть посещений. Шесть!

– Вы сделаете все сегодня, – отрезала моя мнимая кузина. – Сейчас. Иначе я найду другого ускорителя. Того, кому нужны сто золотых, потому что вам, видимо, не очень.

Толстяк жадно ахнул. Я тоже. Это за что же Ардена желает вывалить такую кучу монет?

– Но вы осознаете риск? – уже другим, елейным тоном, спросил мастер. – Ближайшие дни девушка будет мучиться от слабости, головных болей и тошноты! Возможны и другие последствия. Все же это слишком быстрое ускорение роста волос…

– Она потерпит, – милая кузина на меня даже не взглянула. – Приступайте.

– Нам нужно много холодной воды, – смирился мужчина. Наши взгляды встретились, и в его мелькнуло легкое сожаление. – Закройте глаза и попытайтесь расслабиться.

Его руки легли на мою макушку. Я ощутила легкое тепло. Поначалу оно было вполне терпимым, но стало нарастать. В горле пересохло, виски сдавило. К моим губам поднесли стакан с водой, и я жадно выпила. Открыла глаза, глянула в зеркало. Моргнула. Мои короткие прядки отросли до лопаток.

– Вы ускоряете рост волос! – изумилась я. – Удивительно!

– Рад услужить, госпожа, – с удивительным изяществом поклонился мастер. – Правда, ускорение идет и за счет ваших ресурсов, так что вам надо есть и пить. Красота требует сил и стойкости!

Мне подали другую кружку – с жидким шоколадом, щедро сдобренным сливочным маслом, ванилью и корицей.

Когда волосы еще удлинились, разболелась голова. Но я стойко терпела, понимая, что мне необходима шевелюра Ардены. Я выпила еще две кружки шоколада и графин воды, мастер-причесочник вспотел и даже, кажется, похудел. Но когда он отступил, а меня развернули к зеркалу, я не поверила своим глазам. По моим плечам рассыпались золотые локоны, достающие до талии. Мое лицо в обрамлении светлых прядок стало иным. И невероятно похожим на лицо Ардены, которое она скрывала под вуалью.

Напоследок мастер нарисовал мне над губой точку-родинку.

Теперь мы действительно выглядели с Арденой близнецами.

Мнимая кузина склонилась надо мной, рассматривая с жадным интересом. Ее глаза блестели сквозь дымку ткани.

– Потрясающее сходство, – прошептала она. – Вот только цвет глаз…

Она выпрямилась, положила на стол мешочек с монетами.

– Я довольна, мастер. Ваш Дар впечатляет.

– Благо Двери, – поклонился причесочник. Его лицо слегка позеленело от усталости.

Меня тоже пошатывало и клонило в сон, но я заставила себя встряхнуться. В новой комнате, где по шелку обоев порхали золотые птицы, меня одели в синий дорожный костюм. Но я уже слегка устала восхищаться, так что молча вынесла осмотры мастерицы и одевание. Голова болела все сильнее. Ардена командовала мастерами, собирая мой гардероб и злясь на мою худобу.

– У тебя почти нет груди! – шипела она, с гордостью демонстрируя свое декольте.

Я с ней не спорила. Честно говоря, меня вообще мало волновала эта часть моего тела.

– Простите, госпожа, – неожиданно вмешалась мастерица по платью. – Но ваша кузина обладает идеальными пропорциями! Одно удовольствие одевать такую фигуру!

Я благодарно улыбнулась пожилой женщине, а Ардена зашипела и уколола меня булавкой – якобы случайно. Но я лишь зевнула и получила в награду еще один удивленный взгляд богатой «кузины».

Когда мы покинули салон роскоши и изящества, дождь закончился и снаружи занимался рассвет. Бессонная ночь, многочисленные процедуры, тревога и головная боль довели меня до состояния вытащенной на берег рыбы. Я могла лишь хватать ртом воздух и пытаться не сдохнуть. Ардена тоже устала, хотя и продолжала командовать.

Что-то тихо сказав вознице, она села в экипаж.

Виды города все же привлекли мое внимание, тем более что рассвет в Анрис был по-настоящему красив. Меня зачаровали двухэтажные жилые кварталы, балконы, увитые вечнозеленым вьюнком, живые скульптуры вдоль аллей и открытые террасы.

Мы несколько раз свернули, миновали центр и респектабельные районы и оказались возле неприметного дома. Над крышей медленно крутился железный коршун.

На этот раз мы не пошли внутрь. Туда отправился возница, чтобы через несколько минут вернуться и передать Ардене пузырек темного стекла. Надписей или этикетки на нем не было.

– Что это?

– Зелень для твоих серых радужек, – пояснила новоявленная кузина. – Радуйся, что твои глаза не карие, пришлось бы сложнее.

Я посмотрела в окно на грязную окраину.

– А разве менять цвет глаз не запрещено законом? – Кажется, я что-то об этом слышала в магазине госпожи Фитцильям. Настойки, меняющие цвет радужек, были небезопасны и порой лишали модниц зрения. Поэтому их запретили, хотя некоторые двери-асы и утверждали, что слухи – лишь происки глупцов и производителей глазных капель.

Ардена предпочла мне не отвечать.

И я поняла, что мои глаза станут зелеными, чего бы ей это не стоило.

К знаменитому Имперскому Экспрессу я прибыла настолько измученная, что почти не обратила внимания на эту махину. И стоило доползти до кровати – просто провалилась в тревожный сон.

Глава 4. Имперский Экспресс

Оценить Имперский Экспресс я смогла утром. Проснувшись, моргнула, глядя на световых бабочек, порхающих по расшитому полотну балдахина. Села и с интересом осмотрелась. Нас разместили в удобных отдельных комнатах. В моей была кровать с балдахином, резной столик, панель из красного дерева, за которой скрывался шкаф, мягкая банкетка и множество великолепных мелочей, создающих роскошную атмосферу Экспресса. Я с удовольствием погладила шелковые обои и лаковое дерево, потрогала бархатные занавески, скрывающие окно, и полюбовалась на изящную лампу – статуэтку с пляшущим внутри

хрусталя желто-голубым пламенем.

За окном проплывал величественный лес, корни укрывал туман, а верхушки сосен едва золотились приближающимся рассветом. У Ардены была отдельная комната, и я порадовалась короткой передышке и уединению.

Умывшись в небольшой, но тоже роскошной помывальне, я отодвинула дверцу шкафа. Мои наряды обслуга Экспресса уже развесила на плечиках. На стене виднелся золоченый шнур с кисточкой – стоит потянуть за него и на мой зов явится прислужница, чтобы помочь мне одеться и причесаться.

Но я не стала никого звать. Наряды, висящие в шкафу, казались мне невероятно дорогими и непривычными. Даже прикасаться к ним было страшно. Но мне нужно с чего-то начать! Светлые ткани, вышивка, шнуровка, кружева – от этого великолепия кружилась голова! Я выбрала голубую юбку и блузку в тон. Оделась и повернулась к зеркалу в бронзовой раме. Юбка облегала бедра, а внизу разлеталась широкими складками, блузка пенилась нежными кружевами, оголяя верх груди и ключицы. Золотистые волосы волной рассыпались по плечам, и я раздраженно отбросила их за спину. Из зазеркалья на меня смотрела сероглазая и хмурая Ардена Левингстон. Новая одежда превосходно сидела, но была совершенно чужой. Я никогда не носила ничего подобного и сейчас ощущала себя чучелом, втиснутым в шелк и кружева. Подергала себя за прядки, попыталась собрать их в изящную прическу, которую носила Ардена, но лишь исколола шпильками и заколками пальцы. Узкий лиф сдавливал ребра и оголял верх груди, что мне совершенно не нравилось. Такие платья шли Ардене, а мне хотелось снова натянуть привычный свитер и широкую юбку. На миг возникло жуткое чувство потери, словно меня стерли, заменив чужой личиной. Я потрясла головой и показала себе язык. И успокоилась. Это всего лишь одежда и новая прическа, а внутри по-прежнему я – Вивьен. И я должна быть благодарна судьбе и Божественному Привратнику за невероятный шанс и удачу.

Снова повертелась перед бронзовой рамой и накинула на плечи роскошный меховой палантин. Волосы завязала лентой и решила, что выгляжу отлично.

Мнимая кузина упомянула, что одежда нужна мне для выходных дней, а во время учебы нужно будет носить форму Двериндариума – единую для всех учеников. Так Империя пытается показать, что мы все равны перед силой Двери.

Напоследок я попыталась изобразить на лице снисходительное высокомерие, которое частенько появлялось на лице Ардены. Выходило так себе, но я старалась. А устав, махнула рукой и решила прогуляться, пока моя мнимая родственница спит.

Но стоило высунуться в коридор, и я наткнулась на мрачного верзилу, который исполнял при Ардене роль охранника и возницы. Он загородил мне проход, явно не желая пропускать. Но я задрала повыше подбородок, глядя на верзилу в упор, почти просверливая ему череп взглядом. И, поколебавшись, охранник отступил. А я прошла мимо, все так же держа спину невыносимо прямо.

Прогулка по изысканно обставленным коридорам и ресторану принесла мне истинное наслаждение. Богатеи, являющиеся пассажирами Экспресса, все еще спали, так что гуляла я в одиночестве. Лишь в вагоне-ресторане пил кофе светловолосый парень. Увидев меня, он оживился, но я быстро прошла мимо, опасаясь общаться с незнакомцем. А вернувшись в комнату-купе, увидела недовольную Ардену.

– Где ты ходишь? – она окинула меня быстрым взглядом, но, похоже, осталась довольна осмотром.

– Любовалась Экспрессом. Здесь удивительно!

– Полюбовалась, и хватит, – буркнула кузина. – На время оставшегося путешествия тебе лучше не покидать этой комнаты. Ты можешь встретить кого-то из моих близких друзей или родственников, ты разве не понимаешь? Да и мой отец без конца разъезжает на этом поезде, и тебе не удастся его обмануть, даже не надейся! До прибытия – ни шагу наружу! Или хочешь все испортить?

Я хотела возмутиться, но промолчала. К сожалению, девушка права.

– Вивьен, – Ардена смягчилась и шагнула ко мне. – Ты должна потерпеть. Думай о возможностях, которые даст тебе Двериндариум.

Я кивнула, улыбнувшись.

– А теперь займемся делом, – щелкнула «кузина» пальцами. – Ты неплохо смотришься, но взгляд, походка, манеры! Все ужасно. За работу! Живо!

Я подумала, что из Ардены Левингстон получилась бы отличная надзирательница за преступниками – жалости и снисхождения в ней не было ни на медяк.

Впрочем, я не возражала.

Следующие дни стали для меня чередой уроков, новых сведений и приказов «кузины». И все это под стук колес, прерываемое лишь обедами и ужинами, которые нам приносили в покои. Но ела я плохо, меня мучили тошнота и головные боли – последствия ускоренного роста волос. Но плохое самочувствие я лишь привычно отметала, вспоминая слова Ржавчины: «Забудь о боли, и боль забудет о тебе». Я послушно впитывала все, чему учила Ардена, понимая, что за столь короткий срок не могу стать иной.

И все же я старалась.

И все же время закончилось слишком быстро.

Когда в окне показались свинцовые воды Взморья, на котором находился Остров Двери, я вдруг ощутила, как накатывает страх. Чутье, помогающее мне с раннего детства, вдруг завопило, требуя немедленно бежать. Паника вдруг накрыла с головой, и захотелось выпрыгнуть на ходу из Имперского Экспресса да броситься прочь. Прильнув к окну, я всматривалась в белесый сумрак, окружающий это странное мертвое море. Самое удивительное и пугающее место нашего мира. Самое притягательное и ужасающее.

Каким оно станет для меня?

Горло снова сдавило паникой.

– Это сила Двериндариума, – хрипло произнесла рядом Ардена. – Дверь отпугивает людей на уровне инстинкта. И в то же время…

Тянет. Это я тоже ощущала. Сердце стучало все быстрее, а взгляд пытался выхватить из надвигающегося тумана башни Двериндариума. Но я видела лишь сероватое марево.

Пейзаж за окном поблек, а потом и вовсе исчез, затянутый пыльной завесой тумана.

– Поезд остановится лишь на несколько минут, Вивьен. Так что нам пора прощаться, дальше ты пойдешь одна, – встряхнулась Ардена. – Я сделала все, что могла, остальное зависит от тебя. Так что хорошо запомни мои слова. – Девушка помолчала и в глубине ее глаз, так похожих на мои, мелькнул жестокий огонь. – Пути назад нет. За попытку незаконного проникновения на этот Остров полагается смертная казнь. За попытку выдать себя за другого человека, чтобы попасть на Остров – пытки и смертная казнь. За попытку незаконно приблизиться к Двери… ну думаю, ты уже поняла.

Я ощутила, как озноб царапает плечи, несмотря на теплый меховой палантин.

– Если тебя поймают и рассекретят, – продолжила Ардена, – я скажу, что никогда тебя не видела. И ничего о тебе не знаю. Я найду, как себя оправдать. И поверь, не найдется людей, готовых опровергнуть мои слова. Если кто-то узнает правду, отвечать будешь лишь ты, Вивьен. Так что старайся. Старайся изо всех сил. Помни все, что я тебе говорила. Я буду тебе помогать, помнишь? Но теперь ты Иви-Ардена Левингстон. Что бы ни случилось. Ты поняла?

Я молча кивнула и подхватила свой чемодан. Небольшой с виду, но оснащенный пространственным карманом, он вмещал весь новый гардероб Ардены. Вернее, мой гардероб.

– Думай о будущем, – наставительно приказала «кузина». – А теперь самое время подправить твои глаза.

Она вытащила уже знакомый пузырек, я запрокинула голову. И зашипела, когда капли настойки полились под веки. Показалось, что на меня вылили жидкий огонь. Я моргнула, ничего не видя. Ослепла? Неужели злопыхатели правы и настойка лишает зрения? Помоги мне Божественный Привратник! Хотя, исходя из того, что я задумала обман, о помощи надо просить скорее Двуликого Змея, который, как известно, благоволит лжецам и отбросам…

Но тут во тьме забрезжил свет, и я увидела силуэт Ардены.

Через несколько мучительных минут зрение почти вернулось, хотя резь в глазах осталась. Но я не стала жаловаться, толку-то.

– Действия хватит на месяц, потом капнешь еще раз, – велела Ардена, засовывая склянку в мой багаж. Ты все помнишь?

Конечно, нет! Но я лишь кивнула. Глаза жгло невыносимо, хотелось сунуть лицо в ведро с холодной водой. Но пришлось терпеть.

– Пора, – выдохнула «кузина».

Колеса Имперского Экспресса стучали все медленнее, паровоз издал тревожный гудок. Мы прибыли на станцию.

И вскоре осталась я одна на перроне – в клубах пара отъезжающего Экспресса и сером тумане, наползающем с Острова. Подняла голову – в окне поезда мелькнуло женское лицо в вуали.

– Госпожа прибыла в Двериндариум? – из тумана скользнула фигура в черном мундире.

– Да, – сипло произнесла я, приказывая себе не моргать слишком часто.

– Я февр Стивен Квин. Ваше имя и документы.

Я протянула личностный листок. Руки слегка дрожали, но это вполне можно списать на обычное волнение. Февр – значит смотритель, воин, законник или каратель. Судя по ситуации, скорее, первое. Но точно один из тех, кто уже открывал Дверь. И как знать, какой Дар он от нее получил? Вдруг умение в два счета расправляться со всякими вруньями?

Об элитных феврах и их способностях в приюте болтали всякое… Да что там в приюте. Февр – самая страшная сила в Империи.

К тому же, на боку февра весьма красноречиво поблескивал в ножнах клинок. А с другой стороны виднелась кобура.

Я с трудом удержалась от желания обхватить плечи руками, чтобы согреться. Или протереть глаза, чтобы унять жжение. Но вместо этого лишь выше задрала подбородок и нетерпеливо постучала каблучком по мостовой, подражая Ардене.

Мужчина неторопливо сверил изображение и гербовые печати на листке, достал из кармана печать правдивости – неизменный атрибут всех законников – и провел, проверяя подлинность документа. Потом так же неспешно просмотрел свои записи. Поднял на меня испытывающий тяжелый взгляд. Я стояла, не шелохнувшись. И февр слегка улыбнулся.

– Госпожа Левингстон, прошу за мной.

Я посмотрела назад, но Имперский Экспресс уже растворился в тумане. И поспешила за провожатым, оглядываясь. Впрочем, видела я мало. Из сумрака и тумана выплывали стены вокзала, какие-то нагромождения камней и угол часовой башни. Так что я старалась держаться ближе к своему спутнику.

Шли мы недолго и скоро оказались возле мехомобиля. Кататься на этом транспорте мне пока не доводилось. Да что там! В Лурдене мехомобилей и не было, лишь обычные конные экипажи. Даже ездовых альбатросов я видела лишь раз в жизни, когда в Лурден прилетала какая-то важная особа. Тогда из приюта удрали все, кто смог, наплевав на грядущее наказание.

А если бы на улочках нашего городка оказался этот вытянутый железный экипаж, двигающийся плавно и невероятно быстро без всяких лошадей, думаю, у приютских мальчишек случилась бы сердечная болезнь!

Ржавчина и Лисий Нос до хрипоты спорили, пытаясь выяснить что быстрее – мехомобиль или императорский альбатрос, который, как известно, может перелететь даже самые высокие горы – Хребет Змея.

Кто бы мог подумать, что однажды мне доведется прокатиться на этом невероятном транспорте!

Мужчина распахнул дверцу. Стараясь не показать своего удивления и не таращить глаза, я села на кожаное сидение. Внутри приятно пахло табаком и сосновыми веточками.

И к моему изумлению, уже сидел пассажир. Тот самый светловолосый парень из поезда. В сумраке я рассмотрела его темную куртку, карие глаза и дружелюбную улыбку.

– Так и знал, что вы тоже в Двериндариум! – с улыбкой воскликнул он. – Хотел представиться еще в поезде, но вы слишком быстро сбежали. Итан Клейт, к вашим услугам!

Я вспомнила наставления «кузины». Одно имя означает принадлежность к младшим родам.

– Иви-Ардена Левингстон, – почти без запинки произнесла я. И протянула парню руку. Внутренне напряглась, потому что мне еще никто и никогда рук не целовал. Даже в перчатках. И как-то не верилось, что незнакомец это сделает.

Но Итан Клейт опустил голову и коснулся губами кружева на моей руке.

– Польщен, госпожа Левингстон. Значит, я ваш первый знакомый в Двериндариуме? Какая честь для меня.

Февр Квин уже завел мехомобиль, и машина на удивление мягко и тихо тронулась с места.

– Вы надолго в Двериндариум?

– На год, – и все же голос слегка хрипит, но и это понятно – девушка волнуется.

– Старший род, понимаю, – с легкой завистью в голосе произнес мой новый знакомый. – А мне предстоит открыть Дверь два раза.

Я кивнула, не зная, что надо говорить. Мехомобиль вдруг резко ускорился. Я ахнула, развернувшись к окну. Туман остался позади. Впереди летела стрела железного моста, соединяющего большую землю с островом. Сейчас попасть в

Двериндариум можно было лишь по этому узкому мосту с односторонним движением, минуя несколько дозорных башен. И возле каждой мы останавливались, чтобы снова предъявить документы. Такой строгий контроль даже улыбчивого Итана заставил помрачнеть.

Под мостом бушевали темные, густые воды Взморья. Из них торчали пики скал и… мачты.

– Когда-то здесь был полуостров и прибрежный город, – поймав мой взгляд, пояснил Итан. – Иль-Тарион. По легенде – красивый… Но когда открылась Дверь, Взморье всколыхнулось. Из глубины пошла волна – выше самого высокого здания Иль-Тариона. Земля треснула, и полуостров отделился, став островом. А сам Иль-Тарион в одночасье оказался на дне моря вместе со всеми жителями. Я слышал, что во время отлива можно видеть крыши и даже окна домов, шпили часовой башни и древнего храма. А мачты кораблей, что стояли у пристани, заметны и сейчас, видите? Взморье их засолило до твердости камня…

Я кивнула, и парень наклонился ниже, понизил голос.

– Правда, злые языки утверждают, что это первые февры отделили землю с Дверью, затопив попутно и город… Чтобы к Двериндариуму нельзя было подобраться с суши. Теперь остров стерегут призраки жителей Иль-Тариона.

Я заметила внимательный взгляд февра Квина в зеркало заднего вида. Но говорить он ничего не стал.

– Значит, мы в будем в полной безопасности, – пробормотала я.

– Точно, – немного нервно хохотнул Итан.

Парень держался, но я видела, что и его проняла атмосфера таинственности. И, вопреки правилам, я ему ободряюще улыбнулась. В ответ Итан глянул слегка удивленно, но тут же просиял. А я подумала, что мне не помешают на Острове друзья или хотя бы доброжелатели.

Ехали мы довольно долго. А потом как-то резко впереди показалась стена, а за ней поднимались башни и шпили. Рассветное солнце словно намеренно ждало

этого момента, чтобы выкатиться на небосклон и позолотить черные камни величественного Двериндариума.

И я внезапно подумала, что это хороший знак.

Я здесь. И у меня все получится!

Глава 5. Двериндариум

Мехомобиль въехал под широкую арку из огромных черных камней, свернул к башне и остановился.

– Добро пожаловать в Двериндариум, – произнес февр Квин. – Вам туда, вас встретят.

Он указал на дверь башни. Мы с Итаном вылезли и послушно отправились к ступеням.

– Вы знаете, что нас ждет? – повертела я головой. – Вы читали что-нибудь об этом месте?

Парень глянул удивленно.

– Но о Двериндариуме нет книг, – протянул он. – Ни книг, ни статей, ни даже песен. О нем ведь запрещено писать, вы разве не знаете?

Я прикусила язык, понимая, что допустила оплошность. Но Итан понимающе улыбнулся.

– Хотя, понимаю. К чему такой красавице разные глупости? – самостоятельно нашел он объяснение, и я выдохнула. – Думаю, вам было, чем заняться в столице, помимо мыслей о далеком острове! Я прав?

Я рассмеялась и кивнула. За дверью башни тянулся полутемный холл, и пока мы моргали, к нам вышла высокая темноволосая женщина. На ней была форма – узкие коричневые брюки, сверху – жесткое темно-зеленое платье-мундир. До колен, с двойным рядом блестящих пуговиц. Воротник-стойка соединялся у горла серебряным медальоном-фабулой.

Темные волосы женщины были собраны в строгий пучок. Но, несмотря на внешнюю жёсткость, улыбнулась она вполне радушно.

– Госпожа Левингстон, господин Клейт! Приветствую вас в Двериндариуме!

– Благо Двери, – отозвался Итан, я просто кивнула.

– Мое имя Эмилия Сентвер. Вы можете называть меня по имени. Надеюсь, дорога была легкой? Идите за мной, прошу.

Мы прошли мрачный холл насквозь и оказались с другой стороны. Перед нами расстилалась площадь, величиной с поле. В ее центре находилось идеально круглое озеро, искрился в лучах восходящего солнца огромный фонтан. Вокруг него возвышались деревья, слева и справа от нас устремлялись к небу черные арки и шпили древнего замка. Две башни, словно огромные каменные стражи, охраняли вход в Двериндариум. Остальные постройки располагались подковой, обнимая площадь и составляя единый архитектурный ансамбль. Я запрокинула голову, рассматривая открытые переходы, арки, черные угрожающие шпили, готовые вонзиться в небо, острые грани стекол и множество каменных чудовищ, скалящихся со стен. Клыкастые ширвы, крылатые эфримы, рогатые хриавы… Кажется, здесь был весь бестиарий древнего мира Эпохи Чудовищ и Безмолвных Людей. Центральный вход и вовсе обвивал огромный двуликий змей. Две пары глаз – черные и красные – смотрели вниз, на мелких людей, проходящих мимо.

В древности люди украшали свои жилища подобными тварями, веря, что так заслужат их благосклонность. Тогда люди были слабы, ведь они еще не умели принимать Дар.

И этот замок, несомненно, был древним.

Для его постройки использовался черный камень, но стены густо заросли вечнозеленым плющом и бурым остролистом, разбавляя величественную

мрачность этих стен.

– Вы видите основное здание, – пояснила Эмилия. – Это замок Вестхольд, когда-то это был морской форт, и принадлежал он моему предку.

Мы с Итаном изумленно уставились на улыбнувшуюся женщину.

– Сейчас замок, как и весь Остров, принадлежит Империи, а я являюсь главной смотрительницей Вестхольда. Идемте.

Мы двинулись по дорожке, вертя головами.

– Со временем вы узнаете больше о Двериндариуме, пока я расскажу лишь основное. Как вы знаете из истории, это место создали, обнаружив Дверь в Мертвомир. Полуостров стал Островом, а замок – оплотом первых февров. Здесь они получали необходимые навыки, чтобы открыть Дверь. Раньше здесь давали лишь знания по Дарам и Двери, но сейчас вы можете записаться на множество различных курсов, чтобы ваше время в Двериндариуме не прошло зря. Ученики проводят здесь от месяца до трех лет, и поверьте, у нас есть, чем заняться. На досуге вы можете научиться рисовать, петь, танцевать, изучить историю, картографию, мироведение и даже звездологию! На Острове вы найдете не только замок, но и магазины, рестораны, оранжерею и зимний сад, конюшни, лавочки портного и причесочника, кофейни и даже театр! Ну и, конечно, наша знаменитая библиотека – Белый и Черный Архивы. Так что время, проведенное в Двериндариуме, станет для вас незабываемым.

Эмилия подмигнула, а я с трудом перевела дыхание. Голова кружилась. От потока новых сведений, моих изменений и, пожалуй – голода.

Мы с Итаном переглянулись.

И парень не сдержался:

– А Дверь? – запнувшись, задал он главный вопрос. – Где находится Дверь? Когда мы ее увидим?

– Всему свое время, – понимающе улыбнулась смотрительница. – К занятиям вы приступите завтра, а сегодня – отдохните и осмотритесь.

Мы прошли под арку и оказались с другой стороны площади. Здесь веером расходилось несколько улиц. Холмистая местность острова позволяла увидеть ряды аккуратных двухэтажных домов.

– Итан, вам сюда, – Эмилия указала на длинный дом с красной крышей. – Ваша комната указана на ярлыке.

В руки парня лег тяжелый ключ с кисточкой.

Итан слегка растеряно кивнул и улыбнулся мне.

– Иви… может, увидимся вечером?

Я вздрогнула и открыла рот, чтобы поправить парня, сказать, что предпочитаю второе имя. И не стала. Имя Ардена настолько было мне чуждо, что кажется, я никогда не смогу к нему привыкнуть. А вот Иви перекликалось с моим собственным. Иви, Виви, Вивьен… Да и нравилось мне гораздо больше!

Поэтому я согласно кивнула и отправилась вслед за Эмилией.

С двух сторон тянулись красивые, увитые плющом и дикой розой дома. На многих вертелись флюгеры с изображением птиц.

– Это улица называется Соколиная Охота, – пояснила моя спутница с улыбкой. – Вам здесь понравится. А вот и ваш дом!

Она поднялась по ступенькам красивого двухэтажного здания и вложила мне в руку ключ.

– Отдыхайте, Иви-Ардена. Чуть позже к вам придет Силва, она расскажет о ваших занятиях и принесет форму.

– Благо Двери, – пробормотала я благодарность.

Эмилия ушла, а я открыла дверь дома. И застыла, моргая. Может, я чего-то не поняла и здесь у меня лишь комната? Но на ключе не было никаких номеров. Неужели я буду проживать в доме? В целом доме? Да еще каком!

Поставила чемодан у входа и осторожно двинулась вперед. За небольшим коридорчиком была гостиная. С камином, мягкими креслами, шахматным столиком и стеллажами с книгами. Дальше – идеально чистая кухня с небольшой столовой. На втором этаже я нашла уютную спальню, светло-зеленую помывальную и закрытую дверь.

Подергав ручку, я пожала плечами и спустилась вниз.

И рассмеялась! Дом! Целый дом!

В приюте моей считалась лишь узкая койка, а в магазинчике вдовы – тесная комнатушка, которой я невероятно радовалась. А здесь – дом! С красивой, добротной обстановкой, камином, бархатом, ковром и люстрами! Дом, в котором я проведу целый год!

Невероятно!

– Спасибо тебе, Божественный Привратник! – выдохнула я и пошла на кухню. Открыла деревянную дверцу шкафа, внутри которого золотился знак изменения – крошечная замочная скважина. Значит, шкаф сделан на фабрике изменения, двери-асом. Значит, продукты в нем не будут портиться. Посмотрела на полки и застонала. Молоко в стеклянной бутылке, сыр, ветчина и яйца, зелень и фрукты, коробка с булочками и ящичек с коричневыми ароматными шариками. На крышке темнела надпись «Эйфория».

Оглянувшись, я осторожно вытащила один кругляш и сунула в рот.

Я снова застонала. По языку растеклось чистое блаженство, под веками заплясали золотые искры. Сердце ударило в ребра, а кровь забурлила, наполняя тело силой и радостью. Не выдержав, я начала выплясывать вокруг шкафа, мыча от удовольствия!

Подобную сладость я пробовала лишь раз, да и то – дешевую карамель с толикой эйфории, которую стащил в лавке Ржавчина. Но и тогда я чуть не проглотила язык, а сейчас и вовсе…

Изменённый шоколад даже успокоил тошноту – мою спутницу со дня посещения Дома Роскоши. Поэтому я вытащила еще и сыр с ветчиной, отрезала по куску и принялась жевать, облизывая пальцы и рассматривая детали дома. Взгляд с восторгом выхватывал все новые мелочи: ажурную корзину для зонта, резную подставку для ног, львиные лапы столика и узор из кленовых листьев на обивке кресел.

– Я люблю этот дом! – пропела я, дожевав. – Я люблю Двериндариум! Я открою Дверь и получу свой Дар! Я найду Ржавчину! У меня все-все получится!

Действие эйфории закончилось, но приятная сытость и сладкое послевкусие остались. Я посмотрела на свои перепачканные ладони и хмыкнула – Ардена за это не похвалила бы. Так что я отправилась умываться. А когда вышла, у двери звякнул колокольчик.

На пороге улыбалась совсем юная девушка с россыпью веснушек на курносом носу.

– Госпожа Иви-Ардена? Я Силва! Я принесла форму и ваше расписание. Давайте я разложу ваши вещи и, если вы голодны, приготовлю обед. Или можете поесть в ресторане за парком, если не желаете ждать. Там готовят прекрасную форель!

Видимо, взгляд у меня стал совсем стеклянный, потому что девушка осеклась и неуверенно переступила с ноги на ногу.

– Я Силва, – повторила она. – Ваша прислужница.

Я моргнула. Служанка. У меня есть служанка.

Шоколад, сыр и ветчина внезапно комом встали в горле.

– Если я вам не нравлюсь, вам пришлют кого-то другого… – как-то потерянно сказала девушка. Яркие карие глаза повлажнели, словно Силва пыталась не

заплакать.

– Нет-нет, все отлично! – я снова прикусила себе язык, понимая, что выбилась из образа богатой наследницы. Выпрямила спину и попыталась прилепить к лицу маску высокомерия. – Хм… то есть, думаю, ты мне подойдешь. Что ты умеешь делать? И не стой столбом, входи!

И пока окрыленная Силва перечисляла свои умения, я размышляла.

В голове всплыл давний разговор в приюте. Кто-то из сирот клялся, что можно податься в Двериндариум прислугой и за десять лет образцовой работы будет позволено получить свой Дар.

Но спрашивать я ничего не стала. Сомневаюсь, что Ардена имеет привычку болтать с прислугой.

Яркая радость вдруг померкла. Не так-то просто мне будет притворяться госпожой Левингстон!

– Я прогуляюсь, – объявила мрачно, чем заслужила еще один испуганный взгляд. – И это… Разложи мои вещи, пока меня не будет.

– Да, госпожа!

Прихватив меховой палантин, я сбежала из дома.

Солнце уже забралось на небосклон и золотило стены домов, кустарники и деревья. Я повернула в сторону, противоположную замку. Улица закончилась мостом через узкий проток. За ним снова потянулись здания, но уже не жилые, а торговые. По крайней мере, перепутать вывеску с чашкой ароматного кофе нельзя было ни с чем другим. За стеклом виднелись столики и двое парней за одним из них. И, словно почувствовав мой взгляд, оба повернули головы к окну и уставились на меня.

Так что я торопливо пошла дальше. Иногда мне попадались прохожие – рабочие и прислужницы, февры и студенты. Меня провожали взглядами, верно, здесь многие друг друга знали, и новое лицо вызывало любопытство. Но с вопросами

никто не подходил, чему я была рада. Хотелось движения и тишины, хотелось подумать и принять свою новую жизнь.

Я не задумывалась, куда иду, решив доверить выбор направления чутью.

Миновав ресторан и несколько лавочек, я прошла какую-то мастерскую, снова кофейню… дорожка вывела в парк, а потом закончилась. Дальше мостовой не было. Я оглянулась на черные стены Вестхольда, возвышающиеся позади. Над шпилем реяло полотнище с перечеркнутым золотым кругом. Кто-то мог бы подумать, что это солнце, но лишь тот, кто не знаком с гербом нашей империи. На синем фоне была изображена Дверь.

Я отвернулась от замка. Впереди темнел песок, а еще дальше накатывали на берег тяжелые волны Взморья. Слева возвышались деревья-исполины, там начинался самый настоящий лес. У корней величественных елей стелился туман, словно туда не проникает солнечный свет. Вдалеке, на обломке скалы, виднелась башня уже недействующего маяка.

Подумав, я осторожно ступила на влажный песок и пошла к воде. Длинный подол пришлось подобрать, все-таки одежда богачей ужасна неудобная!

Каблуки модных ботинок тут же провалились. Но я упрямо шла, решив посмотреть на свинцовые волны. Я никогда не видела моря. Подойдя почти вплотную к линии прибоя, остановилась и сделала глубокий вдох. Взморье казалось мне старым. Оно пахло горечью. Может, там, на дне, и правда – город? Древний Иль-Тарион? Не зря ведь бывалые моряки называют Взморье Последним Пристанищем и отказываются заходить в эти воды.

Хотя скорее, дело в дурном нраве этих мест. Взморье часто бушует штормами и здесь полно острых подводных скал.

А люди горазды выдумывать байки.

Я присела, опустила в набегающую волну пальцы. Холодно…

Взморье тяжело перекатывало седые волны и чуть слышно бормотало пучиной, словно пытаясь мне что-то рассказать. Я даже затаила дыхание, прислушиваясь.

Но тут позади раздался шорох и рядом остановился мехомобиль. Стальной корпус блеснул на солнце.

– Госпожа Левингстон? – удивленно выглянул из окна февр Квин. – С вами все в порядке?

– В полном, – я задрала подбородок. – Я просто гуляю. Это ведь не запрещено?

– Конечно, нет. Только вам стоит быть осторожнее. В лесу полно хищников. Самых разнообразных. Да и сам лес огромный, потеряетесь – можно и не выбраться. Такое уже случалось. – Февр улыбнулся, показав ямочки на щеках. Правда, улыбка странным образом не меняла его взгляда – жесткого и внимательного. – Замок и дома занимают лишь малую часть острова, а остальное – леса и холмы. Благородной девушке лучше не сходить с брусчатки. Вам не понравились наши рестораны и кофейни? Извините, но вам лучше вернуться. Взморье волнуется, похоже, скоро будет шторм, вы замерзнете. Здесь это обычное дело. Хотите, я отвезу вас к замку?

Прозвучало как вопрос, но почему-то мне не казалось, что февр спрашивает. Ехать с ним мне совершенно не хотелось, так что я изобразила милую улыбку.

– И правда холодает. Но думаю, я успею вернуться до дождя. Благодарю.

Мужчина неохотно кивнул.

– И все же… Будьте осторожны, госпожа Левингстон. – И помолчав, добавил: – Если вам понадобится помощь или совет, то я живу в северном крыле замка. И буду рад вас выслушать. Вы можете обратиться ко мне с любой проблемой. Вы понимаете?

Я кивнула, удивляясь, с чего бы февру предлагать мне помощь. Или он… флиртует? А что, мужчина он интересный. Возможно, на Острове ему просто скучно, а тут молодая привлекательная девушка…

Мехомобиль мягко урча, уехал. Я посмотрела ему вслед. И все же… Почему я должна быть осторожна? Что февр имел в виду? Только ли то, что сказал? Или что-то заподозрил? Может, богатые наследницы не шляются, где попало, а

чинно сидят в ресторанах? Вот же Змей Двуликий и прислужник его склиз!

Я потёрла переносицу, успокаиваясь.

Снова повернулась к морю и ахнула. Над горизонтом сгущались тучи, похоже, февр прав. А мне надо было принять его предложение и вернуться на мехомобиле.

Тихо выругавшись, что, несомненно, не пристало делать воспитанной девушке, я подхватила подол и почти бегом бросилась обратно. Я неслась наперегонки с набухающими тучами, внезапно ощутив азарт. Кто быстрее – я или дождь? Я лидировала, даже несмотря на каблуки и юбку, опутывающую колени!

И почти добежала до своего дома, когда появился тот, кто все испортил!

– Иви! – радостно закричал Итан, устремляясь ко мне. – А я решил вас навестить! А вот и вы! Однако… вы отлично бегаете!

Последнее прозвучало не столько восхищенно, столько удивленно. Вероятно, Итан пытался решить, стоит ли умение нестись во весь опор отнести к женским достоинствам. Я с трудом затормозила, бросила юбку и… в этот момент хлынул дождь! А ведь я почти выиграла! Поток холодной воды обрушился сверху, словно там открыли кран! Я охнула и повернулась к двери своего дома. Итан в этот момент шагнул ко мне. Мои модные ботинки, будь они неладны, поехали на скользкой брусчатке и – я сама не поняла, как оказалась в объятиях парня.

– Поймал! – радостно шепнул он, сильнее сжимая мою талию.

Я вскинула голову и с некоторым удивлением уставилась в восторженные светло-карие глаза Итана. Они просто сияли, похоже, у парня было прекрасное настроение. А если учесть, что на нас льется осенний противный дождь, то с чего Итану так радоваться?

И он не спешил убирать с моей талии рук. Напротив, сжал крепче, притягивая к себе. Я уже собиралась ему об этом сказать, как сзади раздался голос. Вкрадчивый и бархатный, полный мягких рокочущих ноток и тщательно сдерживаемой злости. Такой голос мог бы принадлежать молодому океану. Он

бы нес свои воды между первозданных скал, ярился штормами и весело губил корабли глупых людей, осмелившихся сунуться в эту стихию. Такой голос хотелось слушать, заворачиваться в него, закрыв глаза. Он рождал внутри что-то новое и опасное.

Хотелось слушать голос, но не слышать слова.

– Всего несколько часов, как моя дорогая сестра прибыла в Двериндариум, а я уже нахожу ее в чьих-то объятиях. Признаться, я надеялся, что слухи о тебе преувеличены, Ардена. Вижу, что нет.

Итан как-то резво меня отпустил и сделал быстрый шаг назад.

И я обернулась.

Когда мнимая кузина упоминала брата, я представляла кого-то, похожего на нее. Светловолосого и светлокожего, зеленоглазого и изнеженного. Но нет. В своих представлениях я промахнулась по всем фронтам. Кристиан Левингстон был совсем другим. Высокий. В черной форме – брюки, сапоги, жесткий мундир до колен с двойным рядом пуговиц. Военная выправка. Рукоять клинка. Руки сложены за спиной. Мой взгляд метнулся выше. Воротник-стойка и волнистые черные волосы, касающиеся ушей. С них капала вода на шею парня, но он словно и не замечал. Смуглая кожа. Мужественный подбородок и красивые губы. Широкие темные брови и глаза…

У вдовы Фитцильям был перстень с изумительным прозрачно-голубым камнем. Она говорила, что это топаз. Вот такие глаза были у Кристиана Левингстона. И в сочетании с темными волосами и смуглой кожей они производили сногсшибательное впечатление. Только эти глаза смотрели на меня с нескрываемым презрением.

– Зайди в дом, Ардена, – приказал Кристиан, и его голос снова напомнил об океане, которого я никогда не видела.

И прошел мимо, словно потеряв к нам с Итаном интерес.

Я посмотрела на свои руки, сжавшие край мокрой юбки. Подол намок и испачкался, прическа развалилась пока я неслась наперегонки с дождем, и пряди повисли сосульками. Да уж, отличная получилась встреча дорогих родственников!

Итан смущенно откашлялся.

– Некрасиво вышло. Но я могу все объяснить твоему брату…

– Не надо! – оборвала я.

– Да, наверное, это только усугубит… тогда увидимся позже?

Я кивнула, не вникая в слова Итана.

– Я не знал, что твой брат – февр. И каратель…

– Что? – я вообще-то тоже.

– Каратель, – Итан похлопал себя по груди. – У него нашивка на мундире. Ты что, не заметила?

Нет, я в это время думала о топазах и океане.

– С карателями лучше не связываться. Они же все ненормальные… ну, в общем… – пробормотал парень. – Я пойду?

– Иди.

Оглядываясь, словно не мог решить, правильно ли поступает, парень отошел.

А я посмотрела на дверь моего дома. Ржавчина говорил: если жизнь подкинула щепотку радости – не спеши веселиться. Не иначе как она лишь отвлекает внимание, приготовив для тебя ведро помоев.

Все-таки в той книге афоризмов, стянутых со стола настоятеля, были весьма неглупые мысли!

Мой прекрасный дом, которому я так радовалась, вовсе не был моим. И год в Двериндариуме мне предстоит делить его с тем, кто ненавидит и презирает Иви-Ардену Левингстон.

То есть, меня.

Сжав до хруста зубы, я подняла подбородок и вошла в дом.

Глава 6. Мой брат

«Главное – держись подальше от моего брата», – наставляла меня Ардена.

Да я бы и с радостью, только как мне это сделать, если он по-хозяйски вошел в дом, где я живу? И дверь открыл своим ключом, что говорит о многом!

В душе теплилась слабая надежда, что нам удастся договориться миром. Но чутье подсовывало воспоминание – взгляд топазовых глаз – и уныло твердило, что не выйдет. Никакого мира у нас не выйдет.

Кристиан нашелся на кухне. Он наливал себе кофе и, когда я вошла, поморщился. И это оказалось ужасно неприятно. Не знаю, чем так прогневала брата настоящая Ардена, но вот шишки достанутся мне. И придется с этим смириться.

Парень обернулся и уставился на меня. Его взгляд неторопливо и внимательно осмотрел все – от мокрой макушки до грязного подола. И вернулся обратно. Впился в лицо, и я почти физически ощутила прикосновение. И страх. Почудилось, что сейчас февр разгадает обман. Поймет, что я самозванка.

И кстати, за какие такие заслуги он получил нашивки февра в его возрасте? Как?

И почему проклятая Ардена ничего об этом не знала? Как можно настолько не интересоваться жизнью родственника?

Я остановилась в дверном проеме. Некоторое время мы молча друг друга рассматривали.

Кристиан поднес к губам кружку и сделал глоток, все так же сверля меня взглядом. Я ощутила, как стекает по спине холодная капля.

– Я представлял тебя иначе, – сказал он.

– И как же? – удалось выдавить мне.

Он пожал плечами.

– На изображениях в газетах ты выглядишь… крупнее. И старше.

Да, Ардена тоже негодовала по поводу моей худобы. Интересно, что писали о наследнице в тех самых газетах?

– Как говорит отец – в газетах все врут. Так ведь?

Я легкомысленно улыбнулась, ощущая себя, как канатоходец на вышине Лиризанского пика! Один неверный шаг – и пропасть!

– Мы давно не виделись, – осторожно сказала я, желая убедиться, что хоть в этом мои сведения точны.

– Тринадцать лет, – по-прежнему сухо подтвердил парень. – С тех самых дней, когда умерла моя мать.

Я лихорадочно вспоминала все, что знала. Ардена старше меня, сейчас ей двадцать один, а ее брату – двадцать три. Когда родственники виделись последний раз, девочке было восемь. Вот только я не знала, что это были похороны.

И что я должна говорить?

– Да… грустное событие…

– Грустное? – февр так быстро оказался рядом, что я испуганно шарахнулась назад. Он почти вжал меня в стену. Прозрачно-голубые глаза оказались слишком близко, и я увидела сетку лопнувших сосудов вокруг ярких радужек. По правде, выглядел парень жутко уставшим и жутко злым. И хотелось сбежать от него подальше, но я не могла. Поэтому просто смотрела ему в лицо, пытаясь не паниковать. Он уперся ладонью в стену.

– Грустное? Ты смеешь называть ее смерть грустным событием? Ты смеешь?! Ты еще большая дрянь, чем я думал, Ардена!

Я прикусила щеку. Склирз! Кажется, я ляпнула что-то не то… вот только знать бы, что!

– Я не хотела тебя злить…

– Не хотела злить, значит? Я надеялся, что не увижу тебя еще лет двадцать!

– Я могу переехать в другой дом… наверное…

– Хочешь жить отдельно? – прищурился парень.

– Очень! – искренне выдохнула я. Желательно, на другом конце Двериндариума. Как можно дальше.

Кристиан наклонился ниже, и я ощутила запах кофе от его губ. Тряхнула головой.

– Хочешь провести тут приятное время, наслаждаясь жизнью? – почти ласково произнес брат. И рявкнул: – Даже не надейся.

В прозрачных голубых глазах зажглось что-то убийственно-маниакальное. Я сглотнула. Склирз! Я точно влипла. Теперь надо понять, насколько глубока эта трясина.

Он взял себя в руки, хотя злость все еще плескалась в глазах. И снова я подумала об океане…

Отошел и заложил руки за спину.

– Жить ты будешь здесь. И я за тобой присмотрю. Как старший брат. Поверь, тебе не понравится, – Кристиан усмехнулся, и я подумала, что мне категорически не нравится это человек. – Правила, Ардена. Те, которые ты всегда презирала. Говорю один раз, ты запоминаешь. Ослушаешься – накажу. В этом доме никаких гостей. Никогда. После занятий ты идешь домой учить задания. Твоя дорога – до замка и обратно. Никаких увеселений. Никакого хмеля. Никаких подруг. Никаких парней. Отбой в девять вечера. Подъем – в пять. Пробежка и тренировка. Я посмотрю твое учебное расписание и внесу необходимые поправки. Ты запомнила?

Я смотрела так ошарашенно, как не смогла бы и настоящая Ардена. Божественный Привратник, даже в приюте подъем был в семь! Вот тебе и богатая жизнь, Вивьен!

– Ты сдурел? – совершенно искренне произнесла я.

Кристиан поморщился.

– Никаких бранных слов. За каждое – штраф. На первый раз прощаю. Хотя нет. С чего мне тебя прощать, верно? В наказание остаешься без ужина.

– Да катись ты к слирзу в зад! – выдала я. Лишить меня еды? Да чтоб он провалился! Неужели этот мерзавец показался мне красивым? Фу!

– И еще – никакой служанки. Силва будет лишь убирать и готовить еду, а причесываться научишься сама.

– Ты не имеешь права!

– Еще как имею, – издевательски улыбнулся братец.– Я попросил твоего куратора назначить меня основным наставником. Это обычная практика для родственников. Конечно, мне пошли навстречу и все одобрили.

Что б ты подавился своим кофе!

– Я буду жаловаться! – выкрикнула я, не очень понимая, кому я вообще могу пожаловаться.

– Отцу? – насмешливо поднял брови брат. – Он одобрил мою… м-м… инициативу. Дал разрешение на любые исправления и корректировки твоего учебного дня. В том виде, в каком я сочту… необходимым. Так что жаловаться тебе остается лишь многочисленным любовникам, оставшимся на большой земле. Это, конечно, бесполезно, но так уж и быть. Это я тебе разрешаю.

Крис плотоядно улыбнулся. Хотя скорее – оскалился.

– Почту отправляют раз в месяц. Можешь начинать писать свои жалобные послания. Да, и не пытайся войти в мою комнату. Это тоже правило.

Злость внутри сожгла все барьеры и чувство самосохранения. Даже удивительно, как почти незнакомый человек за несколько минут может довести до желания его убить. Я сжала кулаки, с трудом удерживая их внизу. Сделала три разъярённых шага и почти уткнулась в наглого «братца». Он был выше меня на голову, но это не помешало мне посмотреть со всем возможным презрением.

– Я не собираюсь следовать твоим убогим правилам, ясно? И ты меня не заставишь. Ты мне вообще никто! Я приехала сюда, чтобы открыть Дверь, а не выслуживаться перед тобой. Если хочешь жаловаться отцу – валяй, попытайся. Ты просто наглый индюк, Кристиан, понял?

– Кристиан? – он наклонил голову, почти утыкаясь в меня носом. – Ну ты и дрянь. Пожалуй, начну называть тебя Иви. Кажется, ты терпеть не можешь это имя?

– Пошел ты! – рявкнула я, развернулась и гордо удалилась в свою комнату. Хлопнула дверью достаточно громко, чтобы мерзавец внизу точно услышал. Но запал злости потух, и я в задумчивости присела на кровать.

Что ж, можно считать, что первый раунд прошел с переменным успехом. Мнимый брат меня не рассекретил, это, несомненно, плюс. Я смогла дать отпор и даже стала Иви, что тоже неплохо. Озвученные правила и угрозы меня совершено не

испугали, хотя говорить об этом я, конечно, не стану. А за то, что брат лишит меня присутствия служанки и вовсе можно сказать спасибо! Силва может оказаться приметливой и увидеть странные привычки новой госпожи. Да и любых нежелательных знакомств теперь можно избежать, свалив все на строгого брата!

Я улыбнулась «наказанию», но тут же помрачнела.

Я буду жить в одном доме с февром – и это плохо. Очень плохо! А вражда родственников точно испортит мне жизнь. Как бы братец в своем стремлении мне нагадить не докопался до правды.

И главный вопрос. Если его так злит имя Кристиан, то как, помоги привратник, я должна его называть? Почему проклятая Ардена не сказала, что брат терпеть не может это имя?

Я взлохматила подсохшие и растрепавшиеся волосы. А еще эти космы до талии! И подолы! И узкие лифы! Нет, определенно, быть богачкой не так уж и весело. Тем более, при наличии таких родственничков!

***

Остаток дня я провела в своей комнате, чутко прислушиваясь к тому, что происходит внизу. Но то ли в этом доме хорошие двери, то ли Крис, или как там его, вел себя тихо.

Я обмылась в прекрасной мраморной купальне, промыла волосы, злясь на их длину, и заперлась в своей комнате. Примерила форму Двериндариума, которую принесла Силва. Она оказалась очень похожей на ту, что носила Эмилия. Такой же удлинённый темно-зеленый мундир, напоминающий жесткое платье выше колен, тонкая рубашка и узкие штаны. Обувь – невысокие сапоги. Сверху полагалось накинуть шерстяную мантию с белой меховой оторочкой.

Я собрала волосы в пучок и повертелась перед зеркалом. Форма села, как влитая, наверняка она тоже сшита двери-асом. Жесткий мундир оказался на удивление удобным, был полностью закрытым и нравился мне гораздо больше кокетливых нарядов Ардены. Что ж, это тоже можно записать к хорошим новостям. Я переоделась в сухое платье и тихонько выглянула в коридор.

Прокралась к лестнице. Кристиан сидел в гостиной и читал.

Я постояла, размышляя. Хотелось есть. Наверное, можно было бы сбегать в кофейню и потратить несколько монет из увесистого мешочка, который мне вручила Ардена. Но на улице начался настоящий шторм. Дождь усилился и яростно хлестал в стекла, словно пытался их выбить. Ветер трепал деревья и кустарники, угрожая выдрать их с корнем. Взморье бушевало, из моего окна на втором этаже были видны черные тяжёлые волны, обрушивающиеся на берег. Разбушевавшаяся стихия отбивала всякое желание покидать надёжные стены дома.

К тому же, я не собираюсь подчиняться нелепым правилам родственника! Ардена бы точно не стала.

Поэтому, гордо задрав подбородок, я спустилась на кухню. И обомлела – еды в шкафу не оказалось. Ничего. Пусто! Стерильно почти! И куда «братец» все дел? Была же еда – ветчина и сыры, и конфеты…

Живот заурчал, соглашаясь. Я яростно обернулась к открытой двери. Сквозь проем был виден мой ненаглядный «родственник». Кристиан положил книгу на колени и смотрел на меня. Он не улыбался, но я нутром ощущала, что доволен.

И это раздражало.

–Ты что, ненормальный? – поинтересовалась я, начиная методично открывать все дверцы.

– А ты сомневаешься? – поднял брови «брат». – Разве не ты называешь меня выродок и монстр, дорогая сестра?

Я мысленно вспомнила добрым словом Ардену. Да, именно так она и говорила о брате.

– Откуда тебе знать, как я тебя называю? – несколько сконфуженно пробормотала я. Вот странно, гадости делала Ардена, а стыдно – мне.

– В Двериндариум приезжали твои знакомые. Некоторые – достаточно близкие, – с прежней насмешкой отозвался февр. – Просветили.

Я помрачнела – вот же подстава! И как мне бороться со всем, что наворотила Ардена?

– Куда ты дел продукты?

– Выкинул.

Я вот тут я разозлилась. Может, Ардена не так уж и не права, питая к брату столь теплые чувства. Я медленно повернулась. И видимо, лицо у меня стало бешенное, потому что февр глянул удивленно.

– Ты выкинул продукты? – тихо, почти шепотом переспросила я. Тихо и угрожающе. – Свежие, хорошие продукты? Дюжину яиц, куски сыра и ветчины, бутыль молока, пучок лука и даже морковь? Корзинку с булочками? Фрукты? И ящичек с конфетами? Выкинул?

На стене висели ножи, и я с трудом удержалась от желания сжать один в кулаке. Ярость клокотала в горле, воспоминания голодного приютского детства не давали успокоиться. Меня трясло. Как можно выкинуть продукты? Как?! Да кем вообще надо быть!

– Лишь бы досадить мне… Выкинул… все же свежее было! Так нельзя! Ты что, не понимаешь?!

Стукнув по столу кулаком, я пролетела мимо Кристиана. Он проводил меня ошарашенным взглядом. А уже в своей комнате я привалилась к двери и закрыла лицо руками. Медленно сползла вниз, с ужасом осознавая, что наделала. Дура! Какая же я дура! Да я же чуть не сдала себя со всеми потрохами! Или сдала без всяких чуть?

Не могла богачка Ардена так отреагировать на выкинутые продукты. Что для нее дюжина яиц и бутыль молока? Это лишь для меня они означают жизнь… Несколько часов, дней или даже месяц… Это я знаю, что такое пытаться уснуть, когда живот сводит от голода. Это я знаю и ненавижу вкус хвойной смолы,

которую жуют сиротские дети, обманывая друг друга, что едят конфеты и заглушая противную пустоту внутри. Это для меня конфеты, фрукты и булочки – невиданная роскошь.

Это все я. Не Ардена.

Я до боли прикусила кулак. Чокнутая! Как я могла так вскипеть? Не смогла остановиться… Теперь он точно поймет. Вон как смотрел.

Склирз ползучий!

Я ведь совсем не лицедейка и не актриса, я не умею притворяться кем-то другим! И уже сильно сомневаюсь, что внешнего сходства хватит, чтобы сойти за Ардену.

Единственное мое спасение в том, что Кристиан не виделся с сестрой много лет. Он не знает ее, не знает ее привычек и поведения. По крайней мере, я на это надеялась.

Настоящая Ардена рассказывала, что давняя неприязнь привела к полному игнорированию между родственниками. Правда, она не пояснила причину таких «теплых чувств». Ясно, что в прошлом случилось что-то, породившее эту ненависть.

Но что же делать мне? Как вести себя?

Главное – уверенность. Я не должна показывать страх. Ардена ничего не боится. Она избалованная, самоуверенная, сумасбродная и, насколько я поняла, довольно порочная богачка.

И я должна вести себя соответствующе.

Я попыталась вскочить, но длинные пряди зацепились за дверную ручку, затылок заныл. Тихонько взвыв от досады и паники, я выдернула волосы и в сердцах схватила из корзинки для рукоделия ножницы. Правда, в последний момент одумалась. И отрезала лишь запутавшуюся прядь, а не всю длину! Хотя…

Мне ведь необязательно носить настолько длинные волосы? Ну кто заметит, если я их слегка укорочу!

Чикнула ножницами и испытала хоть какое-то облегчение, увидев отрезанные золотые локоны.

И тут я ощутила на себе чужой взгляд. Обостренным чутьем человека, выросшего в ожидании удара.

За спиной – закрытая дверь. Пустая комната. И окно. Незашторенное окно со стекающими потоками воды. Рывком отклонилась в сторону и погасила лампу. Сумрак окутал комнату. А я прильнула к оконному стеклу. Сквозь пелену дождя была видна крыша соседнего дома. И на миг показалось, что на треугольном скате застыла каменная фигура крылатого чудовища, такого же, какие скалились на стенах замка. Словно змеево отродье – эфрим – слетело с черной крыши Вестхольда и сейчас смотрит в мое окно.

Но… Кажется, или чудовище пошевелилось?

Не дыша, я всматривалась в странную гротескную фигуру. Тёмный, страшный… Сидит, прижавшись коленями к черепице, опустив ладони и глядя на мое окно.

Внизу стукнула дверь, и я вздрогнула, отвернулась. А когда снова глянула в окно – крыша соседнего дома была пуста. Я нахмурилась. Да что это такое? Мне почудилось?

Ночью Двериндариум уже не выглядел безмятежным и даже безопасным. Напротив. Мне казалось, что Взморье лютует, порываясь стереть и замок, и окружающие его дома с острова. А еще – что там, во мраке, живут чудовища. Кто-то ведь был на крыше. Я точно знаю, что был.

Прижалась лбом к холодному стеклу.

Почему Ардена не общалась со своим сводным братом? Что произошло в их семье? Ясно, что трагедия, слишком красноречивый взгляд был у Кристиана. И слишком подозрительно то, что Ардена предпочла это прошлое скрыть от меня.

Мои мысли снова сбились на того, кто жил в соседней комнате. Февр. И каратель. Худшее соседство из всех возможных. Если он заподозрит, что я самозванка…

Сердце испуганно пропустило удар.

И как он вообще им стал? Все знают, что для этого нужны особые Дары. Нельзя стать карателем, получив в подарок умение рисовать или ускорять рост волос. Интересно, что Дверь подарила Кристиану? И сколько раз он ее открыл?

И…Неужели Ардена умышленно умолчала о том, что ее брат – февр? И что мы будем жить в одном доме? Ведь узнай я все это заранее, сбежала бы в тот же миг. Я не самоубийца, я хочу жить. И если бы незваная богачка рассказала мне правду, я бы не за что не приняла ее предложение. Слишком опасно! А теперь уже нет пути назад, придется выкручиваться. Ардена это понимала, потому и утаила важные сведения.

Или я зря ее обвиняю? Может, и сама госпожа Левингстон не знала, с чем мне предстоит столкнуться в Двериндариуме? Вернее, с кем.

Я с досадой подергала себя за длинные прядки.

Карателя я видела лишь раз в жизни. В Управлении Лурдена были смотрители и законники, но не каратели. Но в то лето, когда мне исполнилось семь, в городке убили женщину. Старую госпожу Брукс, которая держала лавку со всякими мелочами на улице кожевников. Законники не могли найти убийцу, и тогда приехал каратель. Не знаю, как, но он нашел виновника. Одного из приютских мальчишек, мы звали его Проныра за тощую фигуру и вредный нрав.

Наш сиротский дом – длинный, одноэтажный и серый – стоял за холмом, в стороне от Лурдена. Отходник – так величали приют в городке. Слева от него высился забор, за которым шумел чахлый лес и булькало тухлое болото. Справа темнела низинка, в которую свозили мусор. Лето выдалось жарким, и настоятели выстроили всех приютских во дворе. Там не было ни одного дерева или даже куста, так что приходилось жмуриться от солнца и глотать полуденный зной. И тем удивительнее было видеть карателя, затянутого в черный мундир. Я смотрела с любопытством, ведь раньше я не видела самых знаменитых февров империи.

Нижнюю часть лица карателя закрывал черный платок с изображением скрещенного ножа и кости – символ Ордена Карателей. Но остановившись перед нами, он снял платок, и мы увидели его лицо – вполне заурядное. Каратель был пожилым и седовласым. Высокий, или так казалось мне – малявке. И пугающим на уровне инстинктов.

– Каратели открывают Дверь много раз, – прошептал мне Ржавчина. – Это слишком сильно меняет их. Говорят, они перестают быть людьми и становятся чудовищами…

Я с любопытством глазела на мужчину, пытаясь увидеть то самое чудовище. Но каратель казался обычным человеком, немного уставшим, немного мрачным. Ничего общего с тем бородатым горбуном, которого я видела в бродячем цирке, что приезжал в Лурден. Меня это даже слегка разочаровало, раз нет чудовища, к чему все эти байки и россказни?

А потом во двор вывели Проныру. Он озирался и дрожал. Приютские притихли, уже понимая, что будет дальше.

В стороне застыли настоятели. Каратель смотрел спокойно. Он сказал что-то о том, что зло должно быть наказано. Что никто не имеет права нарушать закон и отнимать чужую жизнь. Никто, кроме тех, кто призван вершить правосудие. Что оно всегда свершается, каким бы хитрым не оказался преступник.

И мы, дети из дома терпимости, всегда должны об этом помнить. И каждый раз, когда Двуликий Змей нашептывает нам в ухо и склоняет к пакостям и преступлениям, надо делать правильный выбор…

А потом каратель снял перчатки и протянул руку. На его пальцах заплясал огонь. Только лепестки пламени были не красными, а мертвенно-голубыми. Они облизывали руки карателя, с каждым его вздохом становясь все больше. Мужчина посмотрел на Проныру, тот завопил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/marina-surzhevskaya/dverindarium-mertvoe

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити